

Евгений СУХОВ

МАРЬЯЖНИК

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

МАРЬЯЖНИК

«ЭКСМО»

2010

Сухов Е. Е.

Марьяжник / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2010

Зимний Петербург конца XIX века. Заснеженные улицы, извозчики, трущобный Апраксин двор, оборванцы и уголовники, сидящие по его дымным и жутковатым трактирам... Таковы декорации. А в центре их – генерал Корниевич, убитый в собственном доме. Жуткое преступление овеяно стылым дыханием самодержавной России. Морозная тьма надежно хранит злодейскую тайну. Как ее разгадать, коли за первым убийством следует череда кровавого удалства и один за другим предаются насильственной смерти почтенные и уважаемые люди из окружения генерала? Мрачную головоломку взялся распутать частный сыщик Матвей Головацкий. Протрите пенсне, сыщик! Посмотрите вокруг себя – не тянет ли мертвецким холодом от самых близких вам людей, которых вы так любите?

© Сухов Е. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Марьяжник

Часть 1

Сыщик

Глава 1

Кокаиновый генерал

Матвей Евграфович аккуратно сложил газету, неопределенно пожал плечами и поднял глаза на сидящую напротив супругу. Огромный черный дог носом ткнулся профессору в правое колено, и тот машинально погладил его.

– Это же невозможно читать, – произнес Матвей Евграфович своим обычным чуть хриловатым голосом с характерным ударением на последнем слове. – Совершенно невозможно! Куда ни глянь, за границей все прекрасно и замечательно, а у нас... Такое ощущение, будто Россия погрязла в пороках. В какой-то степени так оно и есть, конечно, но надо ли столь открыто писать об этом? Выставлять все недостатки напоказ... Ведь это, – тонкий палец Матвея Евграфовича назидательно ткнулся в сложенную газету, – это читает и молодежь. Студенты. Как же тут не возникнуть брожению в умах? Совершенно определено, что возникнет!..

Теоретически бывший профессор академии права Матвей Головацкий обращался к жене, но в действительности Ульяна Дмитриевна прекрасно знала и понимала, что в такие минуты ее супругу никакие собеседники не нужны. Монологи Головацкого больше походили на обращения внутрь себя, нежели к окружающим. И за те двенадцать лет, что они прожили вместе, Ульяна Дмитриевна успела привыкнуть к этим монологам. Откровенно говоря, она даже и не пыталась соглашаться с мужем или, напротив, опротестовывать его слова. Она лишь молча сидела и слушала.

Однако Матвей Евграфович на этот раз разглагольствовал недолго. Разочарованно махнув рукой, словно осознавая всю тщетность своих высказываний, он откинулся на спинку кресла и подхватил со столика серебряный колокольчик.

– Довольно, – решительно произнес он и через секунду повторился: – Довольно! Давайте обедать, Ульянушка. Обедать, и больше никаких газет! Ровным счетом никаких!

Головацкий позвонил, и на пороге гостиной немедленно появилась пожилая служанка, жившая в доме ровно столько, сколько себя помнил Матвей Головацкий. Виляя хвостом, дог двинулся ей навстречу. Матвей Евграфович слегка повернул голову:

– Подавайте обед, Глафира Карловна. И унесите вот это.

Он протянул служанке газету.

– Унесите ее с глаз моих долой и никогда не смейте приносить ничего подобного.

– Матвей Евграфович, – женщина покорно забрала газету, но исполнять распоряжения Головацкого относительно обеда не торопилась. Это в немалой степени удивило и даже несколько обескуражило бывшего профессора. – К вам два посетителя.

– Посетителя? – недовольно переспросил Головацкий. – Что это за посетители?

– Господа из департамента полиции.

По лицу Ульяны Дмитриевны пробежала едва заметная гримаса. Ее пальцы впились в подлокотники кресла, и она попыталась перехватить взгляд супруга. Но Матвей Евграфович остался спокоен и невозмутим. В последнее время, особенно с тех пор, как Головацкий завер-

шил свою преподавательскую деятельность в академии, подобные визиты для него стали нормой. А уж если брать в расчет те несколько громких дел, которые Матвею Евграфовичу удалось успешно раскрыть минувшей осенью, практически не выходя из дому, такое внимание со стороны столичного департамента полиции к его персоне и вовсе становилось понятным...

– Ну, что ж, – Головацкий нехотя поднялся и привычным движением одернул английский бежевый сюртук. И Ульяна Дмитриевна, и все окружавшие Матвея Евграфовича прекрасно понимали, насколько старомодным выглядел весь гардероб профессора, но самого Головацкого сей факт, кажется, ни в коей мере не смущал. – Негоже заставлять ждать господ из департамента. С обедом придется немного повременить, Глафира Карловна. Да-с... Просите их. А вы идите к себе, душенька, – добавил он, обращаясь к жене.

Ульяна Дмитриевна встала, легко подобрав пышную юбку, поколебалась секунду, словно не желая оставлять супруга наедине со столь важными визитерами, но, повинувшись тяжелому и пристальному взгляду Матвея Евграфовича, грозившему в любую секунду стать раздражительным и гневным, все-таки вышла из комнаты.

Головацкий придирчиво осмотрел себя в высоком напольном зеркале. Надо признать, что в свои неполные пятьдесят Матвей Евграфович выглядел значительно старше. Ему вполне можно было бы дать и шестьдесят с хвостиком. Грузный, широкоскулый, с большим двойным подбородком, седыми бакенбардами и такими же седыми закрученными на прусский манер усами, Головацкий после своей вынужденной отставки практически вел затворнический образ жизни. Он редко куда-либо выезжал, редко кого-то принимал у себя, и большую часть времени любил проводить в глубоком удобном кресле, попыхивая сигарой и развлекая себя чтением газет и журналов. Солидно-респектабельный облик Матвея Евграфовича довершал искусственный левый глаз, неподвижно застывший на лице. В силу этого обстоятельства многие из его бывших студентов за глаза звали профессора не иначе как Циклопом. В скором времени прозвище Циклоп стало известно и за пределами академии, хотя, разумеется, никто из знакомых никогда не позволял себе обращаться к нему подобным образом.

Тяжелые шаги заставили Матвея Евграфовича обернуться. Глафира Карловна ввела в гостиную двух визитеров и тут же скрылась за дверью.

– Профессор Головацкий, – один из гостей, тот, что был повыше, шагнул вперед с дежурной и, как показалось Матвею Евграфовичу, несколько неестественной улыбкой. – Я приношу свои искренние извинения за беспокойство, но... Мы к вам по делу, Матвей Евграфович. Я бы даже сказал, по делу чрезвычайной важности.

Они были знакомы. Человек, обращавшийся к Головацкому столь почтительно, был не кем иным, как начальником Третьего отделения департамента полиции Кондратием Ксенофоновичем Буйчиловым. Головацкому не единожды приходилось оказывать Буйчилову содействие в ходе того или иного расследования, как в свою бытность профессором теории право-ведения, так и после выхода в отставку.

Второго гостя, маленького сухонького господина в золоченом пенсне, Матвей Евграфович видел впервые, и Буйчилов не торопился представлять своего спутника.

– Прошу садиться, господа, – Головацкий указал на маленький сафьяновый диванчик. – И я слушаю вас самым внимательнейшим образом.

Сам он вернулся в излюбленное кресло, распечатал сигару, пристроил ее во рту и неторопливо чиркнул спичкой. Дог растянулся у ног Головацкого, подозрительно поглядывая на незнакомых ему мужчин.

– Как я уже сказал, Матвей Евграфович, – Буйчилов положил шляпу себе на колено и невольно понизил голос до полусшепота, – дело, по которому мы к вам явились, чрезвычайно важное. Государственно важное, Матвей Евграфович...

Головацкий не торопил сотрудника департамента. Покуривая сигару, он время от времени поглядывал своим единственным глазом на сухонького господина в пенсне. Тот же, в свою очередь, с отсутствующим выражением лица рассматривал собственные ногти.

– Вам известно о смерти генерала Корниевича, Матвей Евграфович? – задал, наконец, первый вопрос Буйчилов.

Головацкий разогнал рукой облако душистого дыма.

– Да, я читал об этом. Очень досадный случай, господа. Насколько мне известно, генерал Корниевич являлся весьма крупной политической фигурой. Особенно в свете нынешних событий, – туманно добавил он. – Потеря такого человека невосполнима для России. Да-с... Но что поделаешь...

– А вам известно, по какой причине последовала кончина Корниевича? – перебил профессор Буйчилов.

– В газете писали о сердечном приступе, но я подозреваю...

– Вы правильно подозреваете, – Буйчилов кивнул, и тут же следом за ним кивнул сухонький господин в пенсне. – И в то же время – неправильно.

– Неправильно?

Буйчилов откашлялся.

– Полагаю, мы можем быть откровенны друг с другом, господин Головацкий. Для вас, равно как и для нас, не секрет, что покойный генерал Корниевич был отъявленным кокаином. И официальное заключение о его смерти, которое, разумеется, не попало и не могло попасть в средства массовой информации, – передозировка наркотиков. Кокаина. Но это только официальное заключение...

– А есть еще и неофициальное? – кустистые брови Головацкого сошлись в области переносицы.

– Только предположения, – поспешно вклинился сухонький господин в пенсне.

Матвей Евграфович метнул в его сторону короткий взгляд. Сухонький вроде как ступенчатся и снова опустил глаза. Головацкий взглянул на Буйчилова. Но начальник Третьего отделения и в этот раз проигнорировал своего спутника. Его личность по-прежнему оставалась для хозяина дома инкогнито.

– Предположения относительно чего, осмелюсь спросить? – Матвей Евграфович вновь пристроил сигару во рту.

– Относительно того, что генерал Корниевич мог быть убит.

– Вот как? Убит? А основания? Основания, господа?

Буйчилов резко поднялся с дивана и, заложив руки за спину, стремительно прошелся по комнате. Его начищенные до зеркального блеска хромовые сапоги поскрипывали при каждом шаге. Головацкий с неудовольствием поморщился. Буйчилов остановился возле окна, чуть отодвинул тяжелую плюшевую портьеру, выглянул зачем-то на улицу и только после этого обернулся к Головацкому.

– Мы надеемся на вашу помощь в этом деле, господин профессор. Но я предупреждаю еще раз...

– Да-да, – нетерпеливо оборвал его Матвей Евграфович. – Я уже понял. Дело государственной важности. Излагайте, Кондратий Ксенофонович, излагайте.

Но Буйчилов не торопился. Он вновь прошелся по комнате. Замер за спиной своего спутника в золоченом пенсне и вперил пристальный взгляд в Головацкого.

– Видите ли, Матвей Евграфович, – начальник Третьего отделения говорил настолько тихо, что профессору приходилось изрядно напрягать слух, дабы не пропустить из сказанного ни единого слова. – Вам, полагаю, неизвестно одно прелюбопытнейшее обстоятельство. В последнее время генерал Корниевич проходил курс лечения. Он не употреблял наркотиков.

– Так могли думать все, кроме самого генерала, – вставил Головацкий.

Буйчилов наморщил лоб.

– Возможно, – протянул он с явной неохотой. – Но это уже наводит на определенные размышления, Матвей Евграфович, согласитесь.

Головацкий предпочел промолчать. Лишь обстоятельно взвесив все и имея на руках как можно более полную картину происходящего, он позволял себе открыто высказывать собственное мнение. В противном случае Матвей Евграфович держал собственную точку зрения при себе. К настоящему моменту начальник Третьего отделения сказал слишком мало...

– И это еще далеко не все, Матвей Евграфович, – продолжил тем временем Буйчилов. – Вы прекрасно знаете, как в нынешнее время непросто достать кокаин. Его отпускают в аптеках исключительно по рецептам. И то в самых минимальных дозах. Для генерала Корниевича это, конечно, была не проблема. Но мы отработали все возможные источники и каналы, по которым генерал мог достать кокаин, и как вы думаете, что из этого получилось?

– Думаю, что по всем известным вам источникам генерал ничего не приобрел, – без тени каких-либо эмоций на лице заявил Головацкий.

– Верно! – Буйчилов звонко ударил ладонью по спинке дивана. – Верно, Матвей Евграфович! Не приобрел! И это тоже весьма странно. Более чем странно.

Головацкий лишь лениво пожал плечами. Он загасил свою сигару и осторожно положил ее на краешек бронзовой пепельницы, на краю которой словно бы парил бронзовый орел.

– Но и это опять же не все, – продолжил Буйчилов.

– Довольно уже интриговать меня, Кондратий Ксенофонтович, – не выдержал Головацкий. – Если есть что сказать, говорите.

– Извольте, – казалось, в голосе начальника Третьего отделения просквозило нечто вроде обиды. – На шее покойного генерала Корниевича были обнаружены странные следы. Четыре симметричных коротеньких пореза под адамовым яблоком. По словам людей из ближайшего окружения генерала, опрошенных нами, этих порезов накануне гибели у Корниевича не было.

Легкий, почти незаметный для постороннего глаза огонек вспыхнул во взгляде Матвея Евграфовича. Он чуть подался вперед, заставив лежащего на полу дога наострить уши, и заинтересованно спросил:

– Вы можете подробнее описать мне, как выглядят эти порезы, Кондратий Ксенофонтович?

– Ну... – Буйчилов замялся. – Как вам сказать, профессор?.. Два горизонтальных и два вертикальных пореза. Если продлить и соединить их между собой, то в итоге без сомнения мы могли бы наблюдать неровный квадрат...

– Прямоугольник? – уточнил Головацкий.

– Можно и так сказать.

– Занятно, – буркнул себе под нос Матвей Евграфович.

Это коротенькое высказывание еще больше сбilo с толку Буйчилова.

– Занятно? – удивленно сморгнул он. – Боюсь, я не совсем понимаю вас, профессор. Что здесь такого занятого?

– Ничего-ничего. Если возникнет такая необходимость, я позже поясню вам свою мысль. Продолжайте, Кондратий Ксенофонтович.

Буйчилов потеревил ус, затем обогнул диван и занял прежнее место рядом с сухоньким господином. Взял в руки шляпу.

– Еще одно странное обстоятельство связано с адъютантом покойного генерала Корниевича. С Василием Симаковым. По сути, Матвей Евграфович, если вы не знали, Симаков был особой, наиболее приближенной к Корниевичу... Его правой рукой, если так можно выразиться.

Головацкий кивнул. Он знал об этом. Или, во всяком случае, слышал. Имя капитана Симакова частенько мелькало рядом с именем самого генерала Корниевича.

– И что не так с этим адъютантом? – настороженно спросил профессор. Его лицо приобрело озадаченное выражение. Сейчас Матвей Евграфович смотрел на посетителей совсем по-другому, нежели в первые минуты их визита. – Что это за странное обстоятельство? Извольте объясниться, Кондратий Ксенофонович.

– Охотно. Дело в том, что Симаков также погиб.

– Погиб? Когда?

– Вчера вечером. В начале восьмого. Это в некотором роде и послужило причиной нашего немедленного визита к вам, Матвей Евграфович.

– И при каких же обстоятельствах погиб капитан Симаков?

– Он был застрелен на дуэли.

– Кем?

– Поручиком Преображенского полка Игнатом Рытвиненко. Секунданты утверждают, что дуэль происходила по всем правилам... Негласным правилам, разумеется, – поспешно поправился Буйчилов, словно опасался, что его самого примут за злостного дуэлянта. – Однако оружие Симакова не выстрелило. Он стрелял первым, и его пистолет дал осечку. Поручик Рытвиненко стрелял вторым. И убил капитана.

Рука Головацкого машинально потянулась к сигаре. Теперь он понимал, откуда у департамента полиции появились подозрения в неправдоподобности всей этой истории. Маленькие разрозненные странности... Но если все их свести воедино, то выросла одна большая вопрос. Не слишком ли много этих странностей?

– Вы проверили оружие Симакова? – Головацкий закурил.

– Разумеется. Оно оказалось в полном порядке.

– А что говорит по этому поводу поручик Рытвиненко?

Буйчилов криво усмехнулся. Его спутник в золоченом пенсне после своей единственной короткой реплики по-прежнему не проронил больше ни одного слова. Он только слушал и время от времени качал головой в знак согласия.

– Рытвиненко не говорит ничего, – произнес начальник Третьего отделения тоном факира, готового в следующую секунду извлечь из своего цилиндра крупного белого кролика. – Дело в том, что нам не удалось его найти. Поручик Рытвиненко исчез. Исчез сразу же по окончании дуэли. Поручик покинул часть Преображенского полка без каких-либо объяснений.

Брови Головацкого чуть изогнулись, но никаких новых вопросов задавать он не стал. Впрочем, Буйчилов в этом и не нуждался. После небольшой паузы он добавил:

– По словам сослуживцев Игната Рытвиненко, он исчез потому, что испугался возможных последствий в связи с участием в несанкционированной дуэли. Он попьет, покутит где-нибудь, а потом вернется в часть с покаянной головой. Но это, как вы понимаете, Матвей Евграфович, только их точка зрения. Что на уме у самого поручика Рытвиненко, сказать сложно. Во всяком случае, до тех пор мы не можем найти его. Надо отыскать Рытвиненко. С вашей помощью, надеюсь. И при содействии статского советника Михаила Акимовича Лужанского.

При этих словах Буйчилов кивнул на своего спутника, тот мигом поднялся и отвесил Головацкому легкий полупоклон.

– Губернатор, равно как и обер-полицмейстер, лично заинтересованы в том, чтобы по обстоятельствам гибели генерала Корниевича не осталось никаких вопросов. Никаких темных пятен. Вы меня понимаете, Матвей Евграфович?

– Очень хорошо понимаю, – Головацкий пыхнул сигарой. Люди, прекрасно знавшие Матвея Евграфовича, без труда заметили бы, что в эту секунду мозг профессора приступил к анализу ситуации. Головацкий уже начал работать. – Ничего обещать не буду, Кондратий Ксенофонович, сами понимаете. Но постараюсь помочь вам и господину статскому советнику. Откровенно говоря, мне и самому стало интересно. Да-с... Кстати, как вы помните, Кондратий Ксенофонович, у меня есть двое помощников. По части сбора информации и все

такое... Милые во всех отношениях ребята. Мои бывшие студенты. Егор Михайлов и Тимофей Орлов...

– Как же, как же, – заулыбался Буйчилов. – Помню, Матвей Евграфович. Очень хорошо помню ваших студентов. По нашим с вами, так сказать, бывшим расследованиям.

Головацкий перекатил сигару из одного уголка рта в другой. Зажал ее зубами.

– В таком случае я надеюсь, что им и впредь будет оказываться всяческое содействие в работе, ежели возникнет такая необходимость.

– Ну, разумеется. Мы чрезвычайно рассчитываем на вас и ваших помощников, профессор.

Начальник Третьего отделения встал первым и немедленно нахлобучил на голову шляпу. За ним последовал и Михаил Лужанский. Последним поднялся большой черный дог, потянулся, широко зевнул и засеменил к двери, опередив визитеров. Головацкий остался сидеть. Он лишь позвонил в колокольчик и попросил служанку проводить гостей до выхода. Неторопливо докурил сигару.

– Прикажете обедать подавать, Матвей Евграфович?

– Подавайте, Глафира Карловна, подавайте. Я пока побуду у себя в кабинете.

Головацкий, находясь во власти собственных мыслей, тяжело поднялся на ноги, сунул в рот сигару и степенным шагом прошествовал в смежную комнату. Сел за стол, выдвинул ящик и, порывшись в нем, извлек нужную папочку с золотым тиснением.

Ничего нового о покойном генерале Корниевиче из своей личной картотеки Головацкому почерпнуть не удалось. Генерал был действительно крупной политической фигурой, героем кавказской войны, и, на первый взгляд, все его возможные контакты лежали на поверхности. Матвей Евграфович не сомневался, что департамент полиции не обошел вниманием ни одного из возможных свидетелей. А те каналы, по которым Корниевич мог приобретать кокаин, минуя аптечные сети, были известны и самому Головацкому. Их можно было пересчитать по пальцам. А что если генерал приобретал кокаин не сам, а через кого-то из доверенных лиц? Через того же Симакова, например? Или, вообще, через третьи руки? Этот вариант также не стоило сбрасывать со счетов. Найдется непосредственный покупатель – глядишь, найдется и ключик к разгадке. Или, как минимум, к одному из неразрешенных на данный момент вопросов. Матвей Евграфович знал нужного человека, через которого можно будет раздобыть информацию на эту тему. Связи и круг знакомых бывшего профессора академии права были довольно широки.

Закончив с записями по личности Корниевича, Головацкий уделил немало внимания и погибшему вчера вечером капитану Симакову. Интересный факт относительно генеральского адъютанта бросался в глаза практически с первых строк. Симаков слыл завзятым дуэлянтом и не единожды прибегал к столь радикальным методам разрешения спорных вопросов. Однако, насколько мог судить Матвей Евграфович, Симаков за всю свою жизнь не проиграл ни одной дуэли. Даже незначительных ранений не получал. Он был словно заговоренным. А тут... Такое фатальное невезение! Осечка... Головацкий нахмурился, поскреб указательным пальцем кончик носа и с явным неудовольствием покачал головой. Чем больше он думал о произошедших событиях, берущих начало с трагической смерти генерала Корниевича, тем меньше они ему нравились. Прав был Буйчилов. Дело тут явно нечисто...

Мягкий предупредительный стук в дверь нарушил тишину кабинета.

– Да-да!

В дверном проеме появилась голова служанки с седыми, забранными под белоснежный чепец волосами. Головацкий обернулся через плечо.

– Обед подан, Матвей Евграфович.

– А Ульяна Дмитриевна пришла?

– Уже за столом. Вас ожидают.

– Хорошо. Я иду.

Профессор убрал папочку обратно в стол и запер ящик на ключ. Не то чтобы Головацкий не доверял кому-то из прислуги. Боже упаси! Скорее, сработала выработанная годами привычка. Раз он взялся за расследование очередного дела, все непременно должно было находиться в рамках строжайшей секретности...

А двумя часами позже, когда обед в обществе супруги был завершен и Матвей Евграфович даже позволил себе пропустить два бокальчика красного полусладкого для улучшения мозговой деятельности, он снова вернулся в свой кабинет, куда пожаловали по его личному приглашению и два бывших студента – Михайлов с Орловым.

Они были очень разными. Высокий и нескладный Егор Михайлов с растрепанной соломенной шевелюрой и в длинном сером пальто, стиль которого ни в коей мере не мог одобрить Матвей Евграфович, являл собой полную противоположность Тимофею Орлову. Последний, напротив, был невысок, коренаст и чрезвычайно гордился своими черными, как вороново крыло, аккуратно зачесанными на косой пробор волосами. Одевался Тимофей под стать Головацкому, который в силу своего недюжинного авторитета был для бывшего студента бесспорным примером для подражания.

– Ну, что ж, господа, – Матвей Евграфович нередко обращался к своим студентам как к равным. – Нам, а вернее, вам, господа, предстоит определенная работенка. Да-с... Дело, собственно, вот в чем...

Головацкий неторопливо, в привычной для себя манере, мусоля сигару и обволакивая кабинет непроницаемой дымовой завесой, поведал своим помощникам о своем недавнем разговоре с начальником Третьего отделения департамента полиции. Оба молодых человека слушали профессора, не перебивая. Только один раз Михайлов предпринял попытку задать какой-то наводящий вопрос, но был безжалостно остановлен взмахом руки Матвея Евграфовича.

По завершении повествования Головацкий дал молодым людям просмотреть и содержимое папочки с золотым тиснением. Михайлов ознакомился первым и только после этого передал бумаги Орлову.

– Так Корниевич был кокаином? – задал он, наконец, тревоживший его на протяжении последних десяти минут вопрос. – Я правильно понял, Матвей Евграфович?

– Совершенно верно, Егор, – к потолку всплыло очередное облако дыма. – Только это строго между нами. Да-с... Я хочу, чтобы вы оба сегодня же отправились на место гибели генерала Корниевича. Дом не опечатан, потому как вследствие естественных причин кончины генерала официальное расследование не назначено. Пока не назначено. Вас будет сопровождать сотрудник департамента полиции. Буйчилов об этом всенепременно позаботится. Так что с проникновением в дом покойного проблем не должно возникнуть...

Орлов завершил чтение, аккуратно закрыл папку и положил на край стола.

– Что мы должны искать, Матвей Евграфович? – по-деловому осведомился он.

Головацкий улыбнулся:

– Боюсь, что я и сам пока этого не знаю, любезный. Но меня интересует все, что вы сумеете найти или подметить. Важной может оказаться любая незначительная деталь. Разболтавшийся шпингалет, огарок свечи, длинный белый волосок на ворсистом ковре... Да-с... И, разумеется, будет не лишним пообщаться с прислужкой и адъютантами покойного. Подробности дуэли капитана Симакова интересуют меня не меньше, чем гибель самого генерала Корниевича. Постарайтесь узнать, что послужило причиной размолвки между Симаковым и поручиком Рытвиненко. Судя по всему, у департамента нет никакой информации на этот счет. Иначе Буйчилов непременно бы сообщил мне об этом. Оно и понятно. Подобные вещи в офицерском кругу разглашать не принято. Но всегда найдется кто-то, кто готов поделиться предположением, сплетней... Постарайтесь разговорить тех, кто был причастен к дуэли. Ну, а в остальном... – Головацкий развел руками, отчего зажатая меж его пальцев сигара вспыхнула, и на брюки профессору просыпалось немного пепла. – Не мне вас учить, господа. Здесь важна

любая мелочь. Чем занимался в последнее время Корниевич, с кем общался, какие-то оставшиеся незавершенные дела... Записи покойного...

– А что касается этих отметин на шее генерала, Матвей Евграфович? – вновь подал голос Михайлов.

Головацкий положил сигару на край пепельницы.

– Отметины – самое главное, Егор, – серьезно произнес он, сверкнув единственным зрячим глазом. – У меня есть предположения, как и от чего они могли появиться. Но мне нужны снимки. Снимки тела покойного генерала Корниевича. Недостаточно описать отметины, о которых говорил Кондратий Ксенофонович. Я хочу видеть их. А также всю шею и грудь Корниевича.

– И грудь?

– В первую очередь грудь, – загадочно молвил профессор, пригладил пальцами бакенбарды, демонстрируя тем самым крайнюю степень задумчивости, и тут же продолжил: – Уверен, что у Буйчилова такие снимки уже имеются... Так что будьте добры, господа, заехать и в департамент. Скажите господину Буйчилову, что это моя личная просьба. Я непременно хочу взглянуть.

– А Рытвиненко? – напомнил Орлов, недовольный тем, что его напарник первым затронул тему загадочных отметин на шее генерала. – Нам и его придется разыскивать?

– Поручика Рытвиненко мы искать пока не будем, – Головацкий покачал головой. – Я полагаю, что этот человек либо мертв так же, как и погибший от его руки капитан Симаков, либо в скором времени не преминет объявиться сам. Одно из двух, Тимофей, одно из двух. Третьего, как известно, не дано.

Папка переключалась обратно в ящик стола, и это означало, что к настоящему моменту профессор завершил инструктаж своих подручных. Теперь для дальнейших действий ему требовалась новая, более расширенная информация.

– И будьте предельно осторожны, господа, – предупредил Головацкий, когда оба молодых человека поднялись и двинулись к выходу из кабинета. – Мы ни в коей мере не должны без крайней на то необходимости хоть чем-то запятнать честь покойного генерала Корниевича. Симаков мертв, но другие адъютанты могут не простить вам такой вольности. А мне, знаете ли, совсем не хотелось бы оказаться в числе секундантов на ваших дуэлях. Так что осторожнее, господа...

– Не извольте беспокоиться, Матвей Евграфович, – заверил его Михайлов, и вместе с Орловым они вышли из профессорского кабинета.

Головацкий потушил сигару, придвинул к себе чистый лист бумаги, чернильницу и перо. Несколько быстрыми штрихами он набросал шею человека без головы и без туловища, а затем сделал на ней две вертикальные и две горизонтальные отметины, означающие легкие порезы кожи. Поднес рисунок поближе к мерцающему пламени наполовину оплавленной свечи. Прищурил единственный глаз...

Определенная догадка относительно этих отметин появилась у Матвея Евграфовича сразу же, как только начальник Третьего отделения упомянул о наличии таковых. Но догадка требовала подтверждений. И если все окажется так, как Головацкий предполагал, вывод будет напрашиваться сам собой. Генерал Корниевич не погиб от передозировки кокаина. Его смерть была насильственной...

Оранжевый язычок лизнул лист бумаги, затем еще один и еще... Рисунок скрылся в огне, и Головацкий, подержав его мгновение на весу, небрежно бросил догорать в пепельницу рядом с потухшей сигарой.

Глава 2

Матвей Евграфович и его подручные

– Я уже отвечал на все эти вопросы и не вижу никакого смысла повторяться вновь. Особенно для вас, господин...

– Орлов, – быстро подсказал Тимофей и тут же пометил что-то огрызком карандаша в своем блокноте. – Я хочу, чтобы вы поняли, капитан. Мы ведь интересуемся гибелью Кирилла Александровича не из праздного любопытства. Нам важно докопаться до истины.

– До истины? – адъютант покойного генерала Корниевича Роман Вилинберг презрительно сморщился. Его тонкая верхняя губа слегка изогнулась, и изящная щеточка усов практически скрылась под большим ноздреватым носом. – О какой истине вы говорите, господин Орлов? Все, что вас интересует, так это любая скандальная история! Я не собираюсь потакать этим интересам.

– Вы ошибаетесь, капитан, – собеседник изрядно раздражал Орлова, но Тимофей славился своим природным спокойствием и терпением. – Дело, собственно, заключается в том, что у нас имеются некоторые подозрения относительно не совсем естественных причин смерти генерала...

– Генерал умер от сердечного приступа, – упрямо заявил Вилинберг.

Он пружинисто поднялся с кресла, и орден Святой Анны четвертой степени, прикрепленный к левой стороне его груди, блеснул в свете колышущегося пламени свечей. Вилинберг одернул мундир, заложил руки за спину и дважды нетерпеливо качнулся на носках. Этот жест явно свидетельствовал о том, что герой Русско-турецкой войны желал как можно скорее завершить аудиенцию с дотошным посетителем. Но Орлов предпочел не заметить подобного настроения капитана. Он снова что-то коротко пометил у себя в блокноте и поднял грустные коровьи глаза на собеседника.

– А кто первым обнаружил тело генерала Корниевича?

Невзирая на кажущуюся ленцу и неторопливость действий, Орлов профессионально успевал подмечать каждую деталь: расположение комнат в генеральском доме, настроение прислуги, количество дверей и окон. Отличная зрительная память Тимофея Орлова была как нельзя кстати в их нелегком сыском деле, и это не раз отмечал сам профессор Головацкий.

Вилинберг нервно дернул плечом, но все же ответил на неприятный вопрос. Отвязаться от гостя так легко, как ему хотелось бы, оказалось задачей не из легких.

– Симаков.

– Как и когда это произошло? – Орлов помусолил карандаш.

– Черт! Я думал, вам уже все это прекрасно известно. Разве не так?

Вилинберг не торопился опускаться обратно в кресло. Тимофей невинно улыбнулся. Он умел ждать.

– Ну, хорошо, дьявол вас побери! – сдался капитан, однако раздражения в его голосе не убавилось ни на йоту. – Это произошло в пятницу вечером. Все было, как обычно. Кирилл Александрович вернулся поздно. С ним были Симаков и Лагутин. Я и остальные оставались в доме. Кирилл Александрович был не в настроении и почти сразу поднялся к себе...

– А почему он был не в настроении? – поспешил поинтересоваться Орлов.

Вилинберг усмехнулся:

– Вы что же думаете, я осмелился бы спросить у генерала о причинах его плохого настроения? Разумеется, нет. А Кирилл Александрович не счел нужным поделиться со мной своими личными проблемами.

И вновь Орлов оставил сарказм собеседника без внимания.

– Так это были личные проблемы?

– Я не знаю, черт побери! – лицо Вилинберга сделалось каменным. – Я не знаю, какого рода были эти проблемы!

– А предположить хотя бы можете?

– Нет, не могу!

– Ну, хорошо, – в маленьком блокнотике Тимофея появилась очередная недоступная для глаз капитана запись. – А кто такой Лагутин?

– Штабс-ротмистр Даниил Лагутин также один из адъютантов покойного Кирилла Александровича.

– Возможно, он сумеет сказать больше, – предположил Орлов, не столько обращаясь к Вилинбергу, сколько размышляя вслух.

– Возможно. Поговорите с ним.

– Непременно. Ну, а что было дальше, капитан? После того, как Кирилл Александрович, согласно вашим словам, поднялся к себе?

– Ничего не было, – Вилинберг не сел – он буквально плюхнулся в кресло и вытянул длинные ноги. – Часов до двенадцати мы все были в адъютантской. Играли в карты. Потом Симаков поднялся к генералу, а когда спустился обратно к нам, то сообщил, что Кирилл Александрович умер. От приступа.

Глаза Орлова едва заметно блеснули.

– Капитан Симаков поднимался к генералу один?

– Что вы имеете в виду? – высокомерно вскинул подбородок Вилинберг. – Вы в чем-то подозреваете покойного Василия Трифионовича?

– Боже упаси, – с улыбкой открестился Орлов. – Я просто хочу кое-что уточнить и...

– Да, капитан поднимался один, – сдержанно бросил Вилинберг. – Он был человеком особо приближенным к генералу, как вам должно быть известно, и в его обязанности входило получение должностных инструкций на следующий день. Инструкций для всех нас.

– А как долго отсутствовал Симаков? Сколько времени прошло между тем моментом, когда он покинул адъютантскую, и тем, когда снова вернулся в нее?

Вилинберг снова вскочил.

– Что за пошлые вопросы, черт возьми?! – взорвался он. – Говорите прямо, что у вас на уме или!..

– Повторяю, мне необходимо уточнить все обстоятельства этого дела...

– Здесь нет никаких обстоятельств, господин Орлов! И уточнять тут совершенно нечего! Я не желаю и дальше выслушивать ваши некорректные намеки! Потрудитесь оставить меня!

Тимофей вынужден был подчиниться. Вилинберг удалился в смежную комнату с высоко поднятой головой, а помощник профессора Головацкого тем временем в сопровождении камердинера покойного генерала поднялся наверх в личные апартаменты Корниевича.

– Вот здесь капитан Симаков и нашел Кирилла Александровича, – скрипучим голосом поведал старый камердинер, остановившись на пороге генеральского кабинета, и указал Орлову на ворсистый ковер слева от большого дубового стола. – Здесь же увидел его и я, когда поднялся, привлеченный шумом. Никто ничего не трогал до приезда полиции, господин Орлов. Равно как никто ничего не трогал и после их отъезда.

– То есть, начиная с утра субботы, в кабинет никто не входил?

– Точно так.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен. Ключ от кабинета Кирилла Александровича всегда находился при мне...

– А второго ключа не было?

Камердинер отрицательно покачал головой.

Тимофей сделал запись в блокноте, затем прошел дальше и остановился рядом с тем местом, на которое ранее указал ему старик. Опустился на колени, провел пальцем по ворсу ковра. Потянул носом, как хорошая собака-ищейка. Камердинер наблюдал за странными действиями Орлова со стороны.

Орлов поднялся, приблизился к столу, внимательно осмотрел его со всех сторон, прикинул расстояние до ковра и вновь пометил что-то в блокноте.

– Вы видели генерала по его возвращении в пятницу? – спросил Тимофей, не глядя на камердинера и двигаясь по периметру кабинета.

– Точно так. Я сам проводил его сюда.

– В каком он был настроении?

– Кирилл Александрович немного нервничал. Впрочем, как всегда в последнее время. Так что – ничего необычного...

– А почему он нервничал? – остановившись на фоне окна, Орлов обернулся.

– Этого я знать не могу, – старый камердинер неопределенно повел плечами. – Кирилл Александрович не славился многословием. Все держал при себе...

– А ваши личные предположения?

Ответа не последовало. Орлов ждал несколько секунд, но так и не дождался.

– Вы оставили генерала здесь одного?

– Точно так.

– Он никого не ждал?

– Как будто бы никого.

Тимофей вернулся к коврику и снова опустился на колени. В руках у него появилась лупа, при помощи которой он несколько секунд сосредоточенно исследовал ворсистое покрытие. Блокнотик он положил на пол по правую руку от себя.

– Мне не показалось, – задумчиво произнес он спустя некоторое время, но стоящий на пороге камердинер покойного генерала вряд ли мог слышать тихое бормотание Тимофея. – Это странно, но так оно и есть. Скажите, – Орлов встал, стряхнул с брюк невидимые пылинки и уже значительно громче обратился к старику: – Генерал Корниевич ведь не страдал хромотой, верно?

Камердинер помедлил с ответом.

– Не страдал.

– А как насчет капитана Симакова?

– Что именно?

– Он не прихрамывал?

В маленьких подслеповатых глазах камердинера мелькнуло нечто, похожее на удивление. Он облизал губы и по возможности незаметно для Орлова перенес вес тела с одной ноги на другую.

– Признаться, я... Я никогда не обращал внимания. Мы с капитаном Симаковым стлкнувались нечасто. Но...

– Что «но»? – Орлов подобрал с пола блокнот и убрал лупу.

– Насколько мне известно, капитан имел застарелое ранение. В левое бедро. Но я никогда не замечал, чтобы он хромал...

– Левое бедро, говорите?

Орлов собирался задать очередной вопрос, но не успел. В коридоре послышались быстрые приближающиеся шаги, дверь в кабинет покойного генерала Корниевича распахнулась, на пороге появились двое мужчин. Одним из них был Михайлов. Под мышкой у Егора покоилась тоненькая папочка, перетянутая серебряной тесемкой. Встретившись взглядами с Орловым, Михайлов выразительно постучал по краешку папки указательным пальцем. Это значило, что

при нем уже были снимки, необходимые Головацкому, которые Егор забрал в департаменте полиции.

Орлов с интересом взглянул на спутника Егора. Рядом с Михайловым стоял невысокий смуглый мужчина с холодным колючим взглядом бесцветных глаз. Правую щеку мужчины пересекал по диагонали глубокий застарелый шрам, отчего весь его облик производил весьма устрашающее впечатление. Как и Вилинберг, этот господин был облачен в мундир и в черные хромовые сапоги.

– Мне передали, что у вас есть ко мне какие-то вопросы, господа.

Мужчина обращался одновременно и к Орлову, и к стоящему слева от него Михайлову. Холодный колючий взгляд ни в коей мере не сочетался с мягким и одновременно дружелюбным голосом вошедшего. Орлов подозрительно прищурился.

– Я прошу прощения, а вы кто?

– Штабс-ротмистр гвардии полка Даниил Лагутин, – с достоинством представился мужчина со шрамом.

Орлов улыбнулся и кивнул в знак приветствия.

– Вам уже, наверное, сказали, господин штабс-ротмистр, в силу каких обстоятельств мы здесь находимся?

– Да. Только я не совсем понимаю...

Орлов приблизился вплотную к Лагутину и заглянул в бесцветные глаза адъютанта. Михайлов тем временем уже сместился в глубь кабинета, мазнул взглядом по старику-камердинеру и с откровенным интересом уставился на портрет императора, висевший на стене позади рабочего стола покойного генерала Корниевича.

– Вы были с генералом в тот вечер?.. Накануне его гибели?

– Был, – не стал отрицать Лагутин.

Орлов заметил, что штабс-ротмистр намеренно избегает смотреть на злополучный ковер с высоким ворсом. Взгляд адъютанта касался всего чего угодно, но только не этого ковра.

– Говорят, в этот вечер генерал заметно нервничал.

– В последнее время он всегда нервничал. Находился буквально на взводе. Отсюда и...

– А чем это было вызвано? – мягко поинтересовался Орлов.

Он опасался, что реакция Лагутина будет точно такой же, как у Вилинберга, но ничего подобного не произошло. Штабс-ротмистр в очередной раз опустил глаза на носки своих сапог.

– Я не знаю.

«Врет», – пронеслось в сознании Орлова.

Не нужно было обладать никакими навыками сыскного дела, дабы определить на глаз неискренность адъютанта. Точно такую же неискренность выказывал и Вилинберг, только тот прятал ее за внешней агрессией, а Лагутин избрал совсем иную тактику. Однако и в том, и в другом случае Тимофей наткнулся на неприступную крепость. Настаивать было бессмысленно.

– Чем занимался Кирилл Александрович в пятницу вечером? – Орлов решил зайти с другой стороны, но и тут его ждало полное разочарование.

– Обычными делами. Нанес пару визитов, заехал в ресторан, отужинал, немного выпил...

– Он не ждал гостей?

– Мне об этом ничего не известно, – на этот раз взгляд Лагутина был честным и открытым.

Орлов предпочел промолчать о результатах своих исследований коврового покрытия. Пусть с этим вопросом разбирается Матвей Евграфович. Его, Тимофея, дело собирать улики и информацию. Тем более что все адъютанты генерала по-прежнему придерживались версии

с сердечным приступом. Не хотели выносить сор из избы или тут крылось нечто большее? Многие, без сомнения, мог бы прояснить Симаков, но этого человека уже нет в живых.

– А что вы можете сказать по поводу дуэли капитана Симакова с поручиком Рытвиненко, господин штабс-ротмистр?

– Все было по правилам, – вскинулся Лагутин. – Я лично присутствовал при дуэли. Я был секундантом Василия. Смерть Кирилла Александровича и смерть Симакова – не более чем совпадение. Трагическое стечение обстоятельств.

– А что послужило причиной дуэли?

– Это сугубо личное дело, – штабс-ротмистр не проявил агрессии, но при этом наступил. – Я не имею права распространяться на столь щепетильные темы. Хотя бы в память о покойном Василии. И повторяю вам, эти две смерти никак не связаны друг с другом.

Орлов тяжело вздохнул.

– Как знать, – пробормотал он, а затем, обернувшись к Михайлову, добавил: – Мы можем ехать, Егор.

Камердинер проводил молодых людей до выхода из генеральского дома. Пролетка, на которой приехал Михайлов, ждала их напротив крыльца. Орлов первым запрыгнул в коляску. Напарник расположился рядом.

– Ты обратил внимание на императорский портрет? – спросил Егор, когда возница тронул лошадь с места, и та с громким недовольным фырканьем затрусила по булыжной мостовой.

– А что с ним не так?

– Не самый удачный портрет, – туманно протянул Михайлов, быстрым и привычным для него движением взъерошив свою соломенную шевелюру. – Мне почему-то подумалось, что у такого человека, каким был Корниевич, мог бы висеть в кабинете портрет и получше.

– Думаешь, это имеет какое-то значение?

– Может быть. Во всяком случае, мне показалось это довольно странным.

Лошадь тем временем прибавила ходу. Орлов ухватился рукой за край коляски.

* * *

– Одна нога короче другой? – прищурился Матвей Евграфович, внимательнейшим образом выслушав доклад Орлова.

– Не совсем так, профессор, – виновато улыбнулся Тимофей, конфузясь из-за того, что Головацкий неверно истолковал смысл его замечания. – Я хотел сказать, что этот человек, кем бы он ни был, слегка прихрамывал на левую ногу. А вернее, даже не прихрамывал, а как бы слегка подволакивал ее. Вот так.

Орлов попытался наглядно изобразить смысл вышесказанного, но, учитывая тот факт, что актерские способности бывшего студента были далеки от идеальных, получилось скорее нелепо, чем показательно. Михайлов хмыкнул, но Матвей Евграфович остался невозмутим. Пыхнув сигарой и слегка помахав ею в воздухе, он спросил:

– Из чего это следует, Тимофей?

– Следы, Матвей Евграфович. Характерная примятость ворса на генеральском ковре. Камердинер сказал мне, что после гибели генерала в кабинет никто не заходил. Ничего не убрали, ничего не трогали. Ключ был только у самого камердинера. Следы сохранили прежнюю четкость... Сначала я думал, что мне это могло показаться, а потому и исследовал все тщательнейшим образом через лупу. Я понимаю так, что незадолго до своей кончины Корниевич сидел за столом. Затем он встал, но не расхаживал по комнате, а целенаправленно двинулся к тому месту, где впоследствии и умер. Это также несложно определить по тому, как был примят ковер. Генерал двинулся в сторону выхода. Словно кому-то навстречу.

– Таинственный посетитель? – уточнил Головацкий.

– Получается, что так. Причем посетитель, подволакивающий ногу. Им вполне мог быть и капитан Симаков. Все тот же камердинер Корниевича сообщил мне, что капитан имел застарелое ранение в левое бедро. Оно могло беспокоить капитана в определенную погоду, и тогда он начинал подволакивать ногу.

– Неплохое предположение, милейший, – выражение лица Головацкого шло вразрез с его словами. Оно выражало степень крайнего недовольства. – Очень неплохое. Хотя мне кажется, что в нем имеется одна интересная нестыковочка. В последние полторы недели не было никаких существенных изменений в погоде. Вы об этом не подумали, Тимофей?

– Нет... Простите, профессор. – Орлов закусил губы. – Я не подумал, но... Следы все равно остаются следами. И если это даже не следы капитана Симакова, то в любом случае человека, который нам нужен.

– Если такой человек вообще был, – ввернул Головацкий.

– Вы сомневаетесь, профессор?

– Я предпочитаю не торопиться с выводами. Но думаю, что ваше наблюдение со следами на ковре может оказаться весьма ценным. Я возьму это на заметку, – Матвей Евграфович вынул изо рта сигару и, развернувшись всем своим грузным телом к Михайлову, спросил:

– Что у нас относительно снимков, Егор?

Молодой человек порывисто поднялся, быстро приблизился к креслу Головацкого и протянул ему папку.

– Снимки сделаны непосредственно на месте гибели генерала Корниевича, Матвей Евграфович, – отрапортовался он, сгибаясь перед профессором в легком полупоклоне. На Головацкого повеяло ароматом мятного чая. – Но здесь все, что вы просили. И шея, и грудь покойного. Упомянутые вами отметины крупным планом...

– Посмотрим, посмотрим, – Матвей Евграфович раскрыл папку и выудил из нее верхний снимок. – Да-с... Очень хорошо. Просто замечательно. Вот это уже кое-что, господа. Это уже кое-что...

Следом за первым он взял второй снимок, затем третий и, только рассмотрев каждый в отдельности, сложил их обратно в папку.

– Вот исходя из этого уже можно делать выводы, – по лицу Головацкого было видно, что он доволен. Профессор потер руки. – Хотя именно это я и рассчитывал увидеть с самого начала. Кстати, Тимофей, это подтверждает и вашу версию.

– В самом деле?

– Определенно. Посетитель у Корниевича за несколько минут, а может быть и секунд, до его смерти действительно был. Кто он – вопрос по-прежнему открытый, но, так или иначе, этот человек способствовал гибели генерала. Выражаясь более простым языком, никаких сомнений, что генерал Корниевич был убит.

Михайлов с Орловым быстро переглянулись. Головацкий не стал ждать их вопросов и пояснил собственную мысль. Потушив сигару, Матвей Евграфович откинулся в кресле и водрузил на живот руки с переплетенными пальцами.

– Хотите знать, что означают эти отметины в виде порезов, господа? Это следы от нательного креста генерала Корниевича. Креста, который висел у него на груди. Если умозрительно приподнять крест на уровень шеи покойного и приложить к ней, то края креста и отметины совпадут между собой. Корниевич был задушен. Его крест в момент сопротивления угодил под пальцы убийцы, и вследствие оказанного давления оставил порезы на коже.

– Задушен? – эхом откликнулся на слова профессора Михайлов. – Но как же результаты вскрытия, Матвей Евграфович? Генерал Корниевич умер от передозировки кокаина...

– Который его, видимо, заставили принять, – спокойно закончил за молодого человека Головацкий.

– Симаков?

– Очень может быть. Хотя я, знаете ли, господа, склоняюсь больше к мысли, что человеком с легкой хромотой был не генеральский адъютант. Или, во всяком случае, не капитан Симаков.

– Я не заметил хромоты ни у одного из адъютантов, – мрачно произнес Орлов.

– Стало быть, это был кто-то извне. Да-с... Покойный Симаков определенно мог бы внести ясность в ситуацию. Он или камердинер Корниевича.

– Поговорить с ним еще раз?

– Не стоит, Тимофей. Я думаю, он сказал вам уже все, что счел нужным сказать.

Осторожный стук в дверь прервал дискуссию, и Головацкий вскинул подбородок:

– Да-да!

– Там к вам посетитель, Матвей Евграфович. Некто господин Солодовников. Он говорит, что вы просили его...

– Просил, просил, – Головацкий поднялся с кресла. Узлы его шейного платка разъехались в разные стороны и выбились из-под ворота сюртука, но он, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания. В глазах профессора появился живой огонек. – Это очень кстати. Да-с... Пригласите его сюда, Глафира Карловна. А вы, господа, – обратился Матвей Евграфович к двум своим подручным, – будьте добры, пройдите пока вот сюда, за перегородку. Я хочу, чтобы вы слышали наш разговор, но не присутствовали при нем. Господин Солодовников – фармацевт, и я надеюсь почерпнуть из общения с ним информацию о возможности приобретения кокаина в обход аптечных сетей. Уверен, что генерал Корниевич пользовался именно таким каналом.

Ничего больше Головацкий не пояснил. Приоткрыв скрытую в стене дверь, он жестом пригласил Михайлова с Орловым пройти внутрь. Молодые люди молча подчинились. Матвей Евграфович плотно прикрыл за ними створку и обернулся. Обернулся как раз в тот самый момент, когда Солодовников, пожилой господин с подстриженными по кривой бакенбардами, шаркая ногами, неторопливо переступил порог профессорского кабинета. Фармацевту было за шестьдесят. Он носил очки и постоянно комкал в правом кулаке носовой платок, время от времени используя его для того, чтобы промокать нижнюю трясущуюся губу.

Головацкий гостеприимно указал вошедшему на стул, который несколькими секундами ранее занимал Михайлов. Сам же снова уселся в свое глубокое кресло. Рука Матвея Евграфовича машинально потянулась к сигаре, но в последний момент он передумал и отдернул ее. Солодовников промокнул платком нижнюю губу.

– Итак, профессор, по какому такому делу я понадобился вам на этот раз?

Головацкий не торопился с ответом. Он пристально разглядывал визави и не мог не отметить того факта, как сильно сдал Солодовников за те последние три года, которые они не виделись. Чувствовалось, что фармацевт болен.

– Хотите чего-нибудь выпить, Аркадий Вениаминович? – предложил хозяин. – Чай? Кофе? У меня имеется изумительная настоечка. Не желаете?

– Благодарю, Матвей Евграфович. Но, боюсь, буду вынужден отказаться. Давайте лучше сразу перейдем к делу.

Губы Головацкого тронула едва заметная улыбка. Внутренне Солодовников остался прежним – все таким же деловым и с той же деловой хваткой. Аркадий Вениаминович с уважением относился как к чужому, так и к своему собственному времени.

– Хорошо, – профессор согласно качнул головой, как бы принимая во внимание пожелание гостя. – Буду говорить с вами без обиняков, Аркадий Вениаминович. Мы знаем с вами друг друга давно. Очень давно. Да-с... И все сказанное здесь и сейчас не выйдет за пределы этой комнаты. Можете быть покойны на этот счет.

Солодовников молча взирал на собеседника. Его лицо не выражало и намека на какие-либо эмоции.

– Меня интересует вот что, Аркадий Вениаминович, – продолжал меж тем Головацкий, выбивая негромкую барабанную дробь по подлокотнику кресла. – Скажем, одно могущественное и влиятельное лицо, будучи подвержено определенному недугу, приобретает кокаин. Ни по одному проверенному каналу он это делать не рискует, находясь на лечении и опасаясь огласки. Отсюда следует два варианта, уважаемый Аркадий Вениаминович. Сия влиятельная особа приобретает кокаин либо через третьих лиц, что может быть так же опасно для нее при определенном стечении обстоятельств, а потому на время откинем данную возможность, либо попытается найти какой-то иной канал сбыта. Крайне для нее нетипичный. Такой вариант вообще возможен? Как вы думаете, Аркадий Вениаминович?

Солодовников размышлял над ответом чуть больше пяти минут. За это время он трижды успел коснуться платочком своей нижней губы. Головацкий в ожидании раскурил сигару.

– Как вам сказать, Матвей Евграфович... – Солодовников скомкал платок в кулаке и, наверное, в этот самый момент пожалел о своем отказе попробовать настоечки. – Вопрос, сами понимаете, до крайности щепетильный. Как фармацевт я просто-таки обязан заверить вас, что приобретение кокаина незаконным путем в наше время абсолютно невозможно. Сейчас это очень строго отслеживается. Но как ваш друг, Матвей Евграфович, и как человек, многим вам обязанный, – да! Должен признать, подобные пути существуют. А, кстати, та влиятельная особа, о которой мы говорим с вами, это случайно не покойный генерал Корниевич?

– Именно он, – не стал запираться Матвей Евграфович. – Вам есть что сказать по поводу этой истории?

– Увы, нет, – покачал головой Солодовников и снова поднес платочек к нижней губе. – Я лишь осмелился предположить... Никакой определенной информацией по этому делу я не располагаю, Матвей Евграфович. Я, знаете ли, тоже почитываю на досуге газеты. И о смерти Кирилла Александровича, разумеется, читал. Изумительный был человек, скажу я вам. Великий человек! Герой! Даром что кокаинист... Да и кто сейчас без греха?.. В газетах, правда, писали о сердечном приступе, но я-то сразу догадался что к чему. А тут, стало быть, есть и еще какие-то темные пятна. Так, Матвей Евграфович?

– Так, так. Темных пятен в этом деле хватает. Так что там с приобретением кокаина? – вернул разговор Головацкий в нужное для него русло.

Солодовников зачем-то беспокойно огляделся по сторонам, словно опасаясь, что в комнате мог быть кто-то, кого он ранее не заметил, а затем, понизив голос до шепота, заговорщицки сообщил:

– Аптекарям, Матвей Евграфович, тоже, знаете ли, надо как-то жить. И в обход закона они, конечно, занимаются сбытом кокаина. Клиент на это дело тоже имеется. Нет, не те люди, которые эту гадость по доброй воле сами употребляют... Я не о них сейчас толкую.

– А о ком же?

– Есть один человек, Матвей Евграфович. С Апраксина двора, с Апрашки, как говорят в Питере.

– Вот как? – Головацкий весь подобрался, словно гончая, почувствовавшая запах дичи. – Кто таков?

– Фамилии и имени я не знаю, – Солодовников развел руками. – Все называют его Кондором. Слышал я как-то краем уха, что он из бывших юнкеров, дворянин, но в силу жизненных обстоятельств примкнувший к шайке налетчиков Сеньки Резаного. После того как Сеньку изловили и публично повесили, Кондор остался сам по себе. Налетами больше не занимался, а вот по части кокаина, например, так ему многие из аптекарей сбывают и по сей день. Так что, ежели достать кому нужно, не привлекая излишнего внимания к своей персоне, так это у Кондора.

Головацкий в задумчивости покрутил левый ус. Рассказ фармацевта заставил Матвея Евграфовича на некоторое время забыть даже о своей сигаре.

– Интересно. Очень интересно. Да-с... А найти его как?

– А вот это не подскажу, Матвей Евграфович. Апраксин двор. С аптекарями Кондор связывается сам. То бишь, когда ему заблагорассудится.

Профессор взглянул на свою потухшую сигару, но раскуривать ее снова не стал. Видно было, что он размышляет на предмет полученной от Солодовникова информации. Размышляет и уже одновременно с этим что-то прикидывает.

– Ну, что ж, – произнес Головацкий после недолгой паузы и открыто улыбнулся собеседнику. – И на том благодарствую, Аркадий Вениаминович. Будем искать Кондора. А там, глядишь, через него и ниточку поинтереснее выгащить удастся.

Продолжая комкать носовой платок, Солодовников неспешно поднялся на ноги. Головацкий последовал его примеру, и мужчины обменялись рукопожатием.

– Только это, Матвей Евграфович... – фармацевт остановился уже в дверях и обернулся к Головацкому. – Ежели вздумаете на Апрашку соваться, поосторожнее там. Народ там шальной. Заподозрят чего, так мигом башку открутят. Фамилии и имени не спросят. Это уж знамо дело.

Профессор поблагодарил гостя за предупреждение, и на этом они расстались. Матвей Евграфович закрыл дверь кабинета.

– Господа! – позвал он своих подручных и, когда Михайлов с Орловым вышли из своего укрытия, тут же отдал четкое и ясное распоряжение: – Нам нужно найти Кондора. И чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

– Будет непросто, Матвей Евграфович, – откликнулся Тимофей. – Нам бы хоть знать, как он выглядит. А так...

– Я понимаю, любезный, – саркастически заметил Головацкий. – А еще лучше было бы взглянуть на человека, убившего генерала Корниевича.

Оба бывших студента понимающе улыбнулись.

– Я не требую от вас результата сегодня или даже завтра с утра, – профессор распустил узел шейного платка и бросил быстрый взгляд на часы. – Будьте так любезны, обдумайте все хорошенько, но... Кондора мне сыщите. Узнаем, кто и каким образом достал для генерала кокаин, там и до душегубца рукой подать будет. Я в этом уверен. А теперь, извините, господа, но я хотел бы какое-то время побыть один. Да-с... Кстати, что сказал Буйчилов? Я могу на какое-то время оставить снимки себе?

Головацкий кивнул на папку, принесенную Орловым.

– Господин Буйчилов сказал, что пока можете, – ответил тот.

– Ну, хорошо, господа, хорошо. Ступайте.

Подручные профессора вышли, и Матвей Евграфович, дождавшись пока звук их шагов смолкнет на лестнице, вернулся в любимое кресло.

Глава 3

Случайная смерть чиновника Сербчука

– Вот уж никак не ожидал увидеть вас так скоро, господа, – Головацкий остановился на верхней лестничной площадке, единственным глазом наблюдая за тем, как Буйчилов и Лужанский поднимаются к нему. – Чем обязан? Появились какие-то дополнительные сведения по делу генерала Корниевича?

– Не совсем так, Матвей Евграфович, – начальник Третьего отделения покачал головой. – Хотя... Давайте пройдем в ваш кабинет. Если вы не против, конечно.

– Ну отчего же? Давайте пройдем, – гостеприимно согласился профессор.

– Вы читали утренние газеты, Матвей Евграфович? – озадачил Головацкого неожиданным вопросом Буйчилов, едва мужчины разместились в том же помещении, где они встречались накануне.

Лужанский, по своему обыкновению, был мрачен и молчалив. Всю инициативу, как и в прошлый раз, взял на себя начальник Третьего отделения. Статский советник лишь буровил взглядом Головацкого из-под золоченого пенсне. Определенно, на уме Лужанского что-то было, но он не спешил излагать свои мысли вслух.

– Признаться, еще не успел. А в чем дело?

– Очередное убийство, Матвей Евграфович. Так-то. Вернее, – Буйчилов откашлялся, – как и в случае с генералом Корниевичем, мы предполагаем, что это было убийство. И даже предполагаем, что эти два инцидента могут быть тесно связаны друг с другом.

– И здесь определенно замешана политика, – быстро вставил Лужанский.

Буйчилов недовольно покосился на своего спутника, но ничего не стал говорить. Видно было, что между двумя визитерами существуют разногласия по некоторым вопросам. Головацкий машинально отметил это. Никогда не знаешь, какая информация может пригодиться в дальнейшем, а какая нет.

– Я сказал это лишь для того, – внес ясность Лужанский, по-прежнему не сводя глаз с профессора, – чтобы вы поняли, Матвей Евграфович, насколько важной может оказаться для государства та разгадка, к которой мы рано или поздно, но придем.

Статский советник говорил так уверенно, словно не сомневался в способности Головацкого распутать дело об убийстве генерала Корниевича. В отличие от него, сам Головацкий такой твердой уверенности не испытывал. Профессор поплотнее запахнул в шелковый халат, раскрыл коробку с сигарами и выудил из нее одну.

– Всю важность этого дела я в полной мере осознаю, господа. Однако давайте по порядку. Кто же убит на этот раз?

– Чиновник из числа приближенных к губернатору. Антон Антонович Сербчук.

Головацкий не выказал изумления, хотя озвученная Буйчиловым фамилия была ему прекрасно известна. Сербчук занимал при губернаторе далеко не последнее место, и именно при его непосредственном участии решалось множество политических вопросов. Матвею Евграфовичу дважды доводилось лично общаться с Антоном Антоновичем, но оба эти раза случались еще в бытность его преподавателем.

– Как это произошло? – коротко поинтересовался профессор.

– Его сбила лошадь, – Буйчилов вынул из нагрудного кармана часы на цепочке, раскрыл их, посмотрел время и вновь захлопнул крышку. Всем своим видом начальник Третьего отделения департамента полиции демонстрировал свою занятость, давая понять, что его уже ожидают в другом месте. Возможно, у самого губернатора. – На углу Никитинской и Васюкова. Сегодня в четвертом часу утра. Уже само место и время трагедии, Матвей Евграфович, вызывает у нас

некоторые вопросы. Что делал Сербчук ночью в этой части города? Довольно странно... Вы не находите?

Головацкий пока вообще ничего не находил. Подобные происшествия случаются сплошь и рядом. В любом месте и в любое время. Тогда что так настораживало Буйчилова? Что погибшим оказался именно Сербчук?

– Есть свидетели происшедшего?

– Всего один. По сути, даже не свидетель, Матвей Евграфович, а... В общем, это тот самый ямщик, под лошадь которого угодил чиновник. Он уже дал показания. Говорит, что прохожий как-то неожиданно появился из темноты и фактически сам бросился под копыта его лошади. Остановить бег гнедого не удалось. Удар пришелся Антону Антоновичу в голову, его отбросило метра на три вперед, и он скончался мгновенно.

– И вы полагаете, что Сербчука кто-то толкнул под лошадь? – осторожно высказал догадку Головацкий, аккуратно срезая ножничками кончик сигары. – Так выходит?

– Именно так.

Головацкий задумчиво пожевал ус.

– А из каких фактов, осмелюсь спросить, Кондратий Ксенофонович, следует сие смелое предположение? – уточнил он. – Равно как и то, что это происшествие имеет связь с гибелью генерала Корниевича? Вы ведь, помнится, именно так и сказали...

– Совершенно верно, Матвей Евграфович. Как я уже упоминал, нахождение господина Сербчука в четвертом часу ночи на углу Никитинской и Васюкова уже само по себе кажется мне странным. Но самое главное заключается в другом. При Антоне Антоновиче была найдена бумага. За подписью генерала Корниевича.

– Это уже интереснее, – Головацкий кивнул. – Да-с... И что же было написано в этой бумаге?

– Ничего.

– Ничего?

– Ровным счетом, Матвей Евграфович. Это-то и странно. Чистый лист бумаги, на котором внизу имеется подпись и личная печать Кирилла Александровича, – видимо, Буйчилов ждал какой-то реакции профессора, но ее не последовало. – У нас нет никакой информации относительно того, что Корниевич и Сербчук находились в близких доверительных отношениях. Но чистый лист бумаги за подписью генерала наводит на размышления. Согласитесь? Выходит, что на самом деле Корниевич не просто доверял Сербчуку, а доверял безоговорочно. На бумагу можно было поместить любой текст, заранее одобренный генералом.

– Да, это странно, – протянул Головацкий.

– И оба эти человека, – вновь подал голос Лужанский, – которые вроде бы знакомы лишь шапочно, но на деле, получается, знакомые близко, умирают с интервалом в три дня.

– И оба вроде как от несчастного случая, – добавил Буйчилов.

– Тут замешана политика, – напомнил Лужанский. – Определенно политика. Так что, Матвей Евграфович...

– Да-да, я все понял. Не нужно напоминать мне о государственной важности этого дела каждые четверть часа.

Негромкое поскуливание у дверей кабинета отвлекло внимание Головацкого. Оставив гостей, он поднялся с кресла и прошел к порогу. Огромный дог, радостно виляя хвостом при виде хозяина и при этом не забывая настороженно коситься в сторону незнакомцев, потерся о ногу Матвея Евграфовича. Профессор ласково потрепал пса за ушами. Единственный глаз Головацкого сфокусировался при этом на одной абстрактной точке.

– У нас немного времени, Матвей Евграфович, – напомнил профессору о своем присутствии Буйчилов.

Головацкий поднял на него взгляд.

– Ну, разумеется. Я все понимаю, господа. И я в полной мере принял к сведению сказанное вами сегодня. Вы не будете возражать, если один из моих людей потолкует с ямщиком, лошадь которого сбила Антона Антоновича? Возможно, я сумею узнать что-то еще из первых уст.

– Всенепременно. Пусть ваш человек зайдет в департамент, и я дам ему нужный адрес.

Рука профессора машинально продолжала скользить по гладкой шерсти дога. Он не стал говорить Буйчилову о том, что собирался в самом скором времени поговорить и еще кое с кем. Для этого, правда, Матвею Евграфовичу надо будет покинуть дом и отправиться на свидание с нужным человеком. Профессор этого не любил. Но, судя по всему, раскрыть это темное дело, развалившись в кресле, на этот раз не получится. Придется и самому походить...

– Чистый лист бумаги за подписью Корниевича, – пробормотал Головацкий, когда гости покинули его кабинет и он остался один на один со своим псом. – Да-с... Действительно, высшая форма доверия. Но что могло их связывать?

Матвей Евграфович прошел к столу и вновь начал рыться в своей картотеке. На этот раз его заинтересовала личность Сербчука.

Антон Антонович считался весьма ответственным чиновником, прекрасным семьянином, однако насчет последнего у Головацкого имелась и несколько иная информация. Некоторые из амурных походов Сербчука хоть и не стали достоянием общественности и законной супруги, но определенно имели место быть. Ночной визит на угол Никитинской и Васюкова вполне мог быть связан с одним из таких походов. Даже наверняка. Но бумага!..

Бумага с подписью и печатью генерала не шла у Матвея Евграфовича из головы. В своей картотеке он, как ни старался, не сумел отыскать никакой связи между Сербчуком и Корниевичем. А связь явно была...

Головацкий бросил папку в стол и буквально упал в кресло. Дог покорно растянулся у ног профессора в ожидании новых ласк. Но их не последовало. Вместо этого Матвей Евграфович взял перо, чернильницу и принялся быстро писать что-то на подвернувшейся под руку бумаге. Писал он недолго, а закончив, немедленно позвонил в колокольчик. На его зов тут же явилась Глафира Карловна.

– Найдите Ивана, – лаконично распорядился Головацкий, – и велите ему снести это письмо барону фон Дребену. На Колесникова. Впрочем, он знает адрес. Мне нужен ответ. Я буду ждать здесь, у себя в кабинете. И еще, Глафира Карловна... Передайте Ульяне Дмитриевне, пусть тоже поднимется.

– Ульяны Дмитриевны нету. Уехали-с.

– Уехала? – встрепнулся Головацкий. – Куда?

– Сказали, что по магазинам, Матвей Евграфович.

– Ну, пусть. Пусть.

Профессор протянул служанке сложенное письмо.

* * *

– Еду я, значит. Погоняю. Мне ж аккурат к четверем в «Асторию» надобно было. Барин просил. Я и сказал ему-с: непременно буду. Вот и торопился, значит, барина забирать. А как на Васюкова свернул, так там ни одного фонаря нет. Темень, хоть глаз коли. Не видно ничего, в общем...

Степан Ветлов, дворовый при графе Курьянове, оказался крепким высоким мужиком с огромными мускулистыми руками, тыкваподобной головой и слегка свернутым набок носом. Он старательно взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его вслух, говорил вдумчиво, обстоятельно, и Михайлов, встретившийся с Ветловым на крылечке бокового флигеля Курья-

новых, где Степан до этого был занят починкой собственных сапог, вот уже минут десять как не мог добиться от него сути произошедшего.

– О том, куда вы ехали и зачем, Степан, я уже понял, – в нетерпении перебил он рассказчика. – Поведайте мне лучше непосредственно о том, как ваша лошадь сбила господина Сербчука.

– Кого?

Ветлов слегка прищурился и уставился на Михайлова с таким видом, будто только сейчас заметил собеседника.

– Господина Сербчука. Антона Антоновича, – пояснил Егор. – Так звали человека, которого вы сбили.

– Так я ж и говорю, – как ни в чем не бывало продолжил свое повествование Ветлов. – В «Асторию» я ехал. За барином, значит. Велено мне было...

– А на углу Васюкова и Никитинской? – вновь подсказал Михайлов.

– Не заметил я его, ваше степенство, – покаянно произнес Степан. – Я о том же самом давеча и в полиции толковал. Не заметил. Темно же было, хоть глаз коли. А он выскочил... Ну, прямо из темени! И под лошадь! Я вожжи натянул. «Стой!» – кричу. Не ему кричу. Лошади. «Стой, родимая!» Но куда там! Разве ее на таком ходу удержишь. Сами посудите, ваше степенство.

– Да, я вас понимаю, Степан.

Михайлов не видел никакого смысла в этом общении. Отправляясь сюда напрямик из департамента полиции, он уже знал, что Ветлов не сообщит ему ничего нового. Но Головацкий хотел, чтобы Егор все же съездил и поговорил с ямщиком. С другой стороны, Михайлову грех было жаловаться. По его мнению, на долю Тимофея выпало еще более неприятное заданье. Орлов отработывал личность таинственного обитателя Апраксина двора по прозвищу Кондор. На саму территорию Апрашки без предварительной информации о Кондоре Матвей Евграфович соваться строго-настрога запретил...

– Скажите лучше, а не заметили ли вы еще кого-нибудь в это время на углу Никитинской и Васюкова? – спросил он Степана, который, решив уже было, что разговор окончен, вновь потянулся к недочиненному сапогу.

– А кого еще я мог там заметить?

– Ну, не знаю... Может быть, были еще какие-то прохожие. Может, хотя бы тень чья-то мелькнула или еще что...

Ветлов озадаченно поскреб пальцами в затылке.

– Не заметил я, ваше степенство. Вот ей-богу! Как на духу говорю. Не заметил. Может, и были, а может, и не было никого. Бес их разберет. Я же вам толкую: тьма там была непроглядная. Могли бы хоть один-одинешенек фонарь повесить, супостаты. А то ведь так и будут там людей давить. На что ж это годится?

– Ни на что не годится, – со вздохом согласился Михайлов и тут же счел нужным уточнить для проформы: – Значит, никого больше не видели?

– Не видел.

– А потом что было?

– А что «потом»? Потом знамо дело что. Остановил я все ж таки лошадку, прыгнул и к нему, значит. А он лежит и не шевелится даже. Я трогать-то его заопасался. Ну, мертвый, не иначе!.. Испужался сильно. Экипаж бросил, даже не подумал, а ну как барин дознается – не сносить мне головы, и на Никитинскую выскочил. Звать начал. На мое счастье околоточный поблизости оказался. Я к нему. Так, мол, и так. Человека сдушегубил, говорю. Он меня за химок. Показывай, где, говорит. Ну, я его и привел, значит. Не виноватый, говорю, я. Он мужик толковый оказался. Поверил мне. Но в участок все равно ехать пришлось. Давать эти... как их там?..

– Показания, – уныло подсказал Михайлов, отлично понимая, что тратит время впустую.

– Во! Их самых, – возрадовался чему-то Ветлов и, взяв сапог, надел его на руку. Чуть приподнял вверх и лукаво прищурился. В эту секунду ему, видимо, явилось озарение, как лучше всего произвести починку. – Поехали мы, значит, с околоточным в участок, и там я их и дал. Показания эти. Выслушали меня и отпустили. А барину я, слава богу, объяснил, как дело было и почему я его вовремя из «Астории» не забрал. Он уразумел все, вошел в положение. Можно сказать, посочувствовал даже. Хороший человек – барин мой! Так-то...

Завершив ни к чему не приведший допрос Ветлова, Михайлов взял пролетку и приказал вознице доставить его на угол Никитинской и Васюкова. Профессор Головацкий хотел, чтобы Егор также побывал и непосредственно на месте разыгравшейся минувшей ночью трагедии. Но, по мнению Михайлова, это тоже не должно было принести каких-либо результатов. Однако Матвей Евграфович лучше знает, что надо делать...

Егор без особого труда сумел отыскать то место, где Сербчук угодил под лошадь. Темное кровавое пятно на булыжной мостовой еще не успели смыть.

– Обожди меня здесь, любезный, – распорядился Михайлов, обращаясь к вознице, спрыгнул с подножки и прошел к обочине.

Ни одного фонаря по Васюкова действительно не было. Ветлов не соврал. Михайлов встал там, где предположительно должен был находиться Сербчук, перед тем как шагнуть на мостовую. Огляделся. Позади Егора оказался узенький проулок между двумя близко стоящими друг к другу домами. По идее, если продолжать придерживаться версии, что Антона Антоновича толкнули под лошадь, убийца вполне мог сделать это, воспользовавшись темнотой, а затем так же незаметно скрыться меж домами. Ни Ветлов, ни уж тем более подоспевший значительно позже околоточный увидеть его не смогли бы.

Михайлов сам двинулся по проулку, внимательно глядя себе под ноги. Таким образом он вышел на параллельную улицу и снова огляделся. Никаких видимых следов обнаружить Егору не удалось. В конце квартала притулились у обочины два экипажа. Оба кучера, восседавшие на козлах, о чем-то негромко переговаривались. Поразмыслив немного, Михайлов направился к ним.

– Эй, братцы! Вы всегда тут работаете?

– А чего? – живо откликнулся один из молодцов. – Подвезти куда надо, барин? Так это мы мигом.

– Так работаете или нет?

– Ну, работаем, – нехотя ответил второй и, слегка склонившись, сплюнул на мостовую. Он быстрее приятеля сообразил, что господин в сером пальто никуда ехать не собирается, а следовательно, никакого прибытку с него не предвидится.

– А ночью сегодня тут не стояли?

– Не-е. Ночами мы не работаем. А чего случилось-то, барин?

Михайлов оставил вопрос паренька без ответа. Вернувшись обратно к узенькому проулку, он тем же путем прошел к оставленной им пролетке. Угодил ли Сербчук под лошадь случайно или кто-то помог ему в этом – для Михайлова осталось полной загадкой.

* * *

Долго дожидаться в приемной барона фон Дребена Матвеем Евграфовичу не пришлось. Отправленная ранее с Иваном записка возымела свое действие. Не прошло и пяти минут с тех пор, как слуга, принявший у Головацкого пальто и шляпу, удалился, как до слуха профессора донеслись приближающиеся шаги. Створки белоснежной двери распахнулись, и перед гостем предстал другой слуга, облаченный в зеленоватого оттенка ливрею.

– Господин барон готов немедленно принять вас. Проходите.

Головацкий последовал за слугой и в скором времени очутился в просторной светлой гостиной с тремя большими панорамными окнами. Садиться он не стал, а, заложив руки за спину, неспешно прошелся вдоль левой стены, изучая картины немецких художников. Ужасно хотелось закурить сигару, но Матвей Евграфович не мог позволить себе подобную вольность в чужом доме. Во всяком случае, без разрешения хозяина.

И снова фон Дребен не заставил себя ждать. Он появился из боковой двери и немедленно окликнул Головацкого в знак приветствия. Невзирая на свою грузную комплекцию, профессор довольно легко развернулся на каблуках.

Барон был в белоснежном смокинге и при бабочке. На безымянном пальце правой руки красовался массивный золотой перстень, инкрустированный изумрудами.

– Господин Головацкий! – воскликнул фон Дребен на чистейшем русском языке. В его речи не было и намек на иностранный акцент. – Не ожидал. Право слово, не ожидал, мой дорогой. До меня доходили разные слухи, в том числе и то, будто вы ведете прямо-таки затворнический образ жизни.

– Так и есть, господин фон Дребен, – Матвей Евграфович открыто улыбнулся. – Я и сам забыл, когда в последний раз выходил из дому. Но сейчас... Признаюсь, я к вам с корыстным интересом. Обстоятельства вынудили меня обратиться к вам за содействием...

– Что такое, мой дорогой? – Барон самолично усадил Головацкого на диван и тут же разместился рядом. – Деньги? Говорите прямо. Вам нужны деньги?

– Нет, не деньги, барон. Мне нужна некоторая информация.

– Ах, вот оно что! Так вы, значит, опять что-то расследуете, господин Головацкий? Говорите прямо. Расследуете?

– Да, расследую.

– Какая прелесть! Очень интересно! Я ведь, знаете ли, господин Головацкий, всегда завидовал гибкости вашего ума. И, конечно, я понимаю, что вам необходима работа для мозга. Необходима как воздух. Говорите прямо. Необходима?

– Совершенно верно, – Матвей Евграфович осторожно разгладил усы и спросил. – Могу ли я закурить, господин барон? Дурная привычка. Ничего не могу с собой поделывать.

– Ну, разумеется, курите! – казалось, любая мелочь, любая произнесенная кем-то фраза приводила фон Дребена в неописуемый восторг. Барон для многих являлся образцом оптимизма и жизнелюбия. – Что за вопросы, право слово, господин Головацкий? Вот возьмите пепельницу и курите сколько вам заблагорассудится.

– Благодарю вас.

Профессор извлек сигару из нагрудного кармана жилета.

– И что же за дело вы расследуете? – барон закинул ногу на ногу и откинулся на подлокотник дивана. Он практически принял полулежачее положение. – Говорите прямо. Что это за дело?

– Это касается гибели одного нашего с вами общего знакомого, – неторопливо начал Головацкий, пристраивая сигару во рту. – Вернее, мое знакомство с этим человеком было не слишком тесным, а вот что касается вас, барон, то его, то есть погибшего, можно было смело назвать не просто вашим знакомым, но и другом.

Впервые с момента прихода Матвея Евграфовича фон Дребен нахмурился.

– Вы говорите?..

– Совершенно верно, барон. Речь идет о гибели господина Сербчука минувшей ночью.

– Да, разумеется, мне уже известно о случившемся, – барон приподнялся. – Но я не понимаю, к чему тут расследование?.. Разве не несчастный случай послужил причиной гибели уважаемого Антона Антоновича? Говорите прямо. Разве не так?

– Относительно этого есть некоторые сомнения, господин фон Дребен, – Головацкий разогнал рукой повисший в воздухе клуб дыма от его сигары. – Поэтому я и здесь. Мы пытаемся разобраться, попал ли Сербчук под лошадь сам или же ему помогли.

– Помогли? Кто? Говорите прямо!

Матвей Евграфович пожал плечами:

– Если бы мы знали. У меня к вам, собственно, два вопроса, господин фон Дребен.

– Готов ответить на любой из них, если это поможет делу.

– Будем надеяться, что поможет.

– Слушаю. Говорите прямо.

Головацкий немного помедлил.

– Насколько близкими были при жизни отношения между покойным ныне Сербчуком и опять же таки покойным генералом Корниевичем?

Брови барона фон Дребена удивленно изогнулись, а спустя пару секунд он и вовсе выпрямился на диване, сняв одну ногу с другой. В глазах отразилось явное непонимание вопроса.

– Прошу прощения, господин Головацкий.

– Я спросил... – начал было Матвей Евграфович, но барон нетерпеливо перебил его:

– Нет, я, разумеется, слышал, что вы сказали. Просто мне не совсем понятно, с чего вдруг возник такой странный вопрос. Насколько мне известно, а я хорошо знал Антона Антоновича, как вы сами верно заметили несколькими минутами раньше, у него вообще не было никаких отношений с генералом Корниевичем. Они едва были знакомы. Совершенно разные люди, и потом...

Фон Дребен замолчал, не закончив начатой мысли. Не стал опротестовывать его последние слова и Головацкий. По его мнению, не было никакой необходимости говорить барону о наличии бумаги за подписью генерала у покойного Сербчука. Матвей Евграфович получил достаточно исчерпывающий ответ на свой вопрос. Другого ему и не требовалось.

– Хорошо, барон. Я прекрасно вас понял, – профессор изобразил на лице нечто, напоминающее виноватую улыбку. – В таком случае у меня будет к вам еще один вопрос, и я надеюсь, что вы ответите на него столь же искренне. Вероятнее всего, дело это щепетильное, но в интересах следствия... Ради установления истины... Однако я могу гарантировать вам, что информация не уйдет дальше моих ушей...

– Перестаньте юлить, господин Головацкий! – пожурил собеседника барон с прежним энтузиазмом в голосе. – Говорите прямо! Говорите! Мы же свои люди, в самом-то деле.

– Речь идет о том месте, где погиб Антон Антонович. Вероятно, вы знаете, – несмотря на предложение фон Дребена говорить прямо и откровенно, Матвей Евграфович старательно подбирал нужные слова, – это произошло на углу Никитинской и Васюкова. Что делал Антон Антонович в этой части города ночью? В четвертом часу утра, если быть точным? Тут замешана женщина?

Барон от души рассмеялся и даже хлестко ударил себя пару раз ладонью по отставленному колену. Тактичный вопрос профессора рассмешил его донельзя.

– Вы крайне прозорливы, господин Головацкий! Право слово! И как это вы догадались? А? Говорите прямо. Вам было известно о похождениях многоуважаемого господина Сербчука?

– Да. Кое-что я знал.

– Честь и хвала вам как сыщику! – фон Дребен откровенно ликовал. – Да, вы правы, черт возьми! Тут была замешана женщина. Определенно! Я даже знаю, о ком идет речь. Я знаю ту, что проживала на Васюкова и которая была в числе избранниц сердца бедного Антона Антоновича, – барон снова громогласно рассмеялся, но уже в следующую секунду спохватился и поспешно прикрыл рот рукой. – Я знаю, что это нехорошо. Простите. Антона Антоновича уже нет. Поверьте, я скорблю. Но всякий раз, вспоминая о том, что он умудрялся творить при жизни... Да, это достойно восхищения!

Головацкий оставил замечания хозяина дома без внимания. Его интересовало совсем другое.

– В четыре часа утра он возвращался от этой женщины? Так получается?

– Я в этом уверен, – решительно заявил фон Дребен.

– А могу я узнать ее имя и адрес?

– Однако! – Барон присвистнул. – А вам не кажется, господин Головацкий, что это будет как-то...

– Я понимаю, господин фон Дребен, – поспешно вклинился Матвей Евграфович, – однако, как я вам уже сказал, в интересах следствия это необходимо, но я по-прежнему могу гарантировать...

Их глаза встретились. Голубые и глубокие, как два бездонных озера, глаза немца – и единственный зрячий глаз профессора с матово-черным зрачком. Барон колебался не более минуты.

– Ну, хорошо, господин Головацкий. Я полагаю, вашему слову можно верить безоговорочно. Так? Говорите прямо!

– Можно верить.

– Эта женщина – актриса. Уже в возрасте. Относительно в возрасте, как вы понимаете. – Барон вновь вальяжно откинулся на подлокотник дивана. – Вдова. Сын тоже погиб. Героически погиб на войне, господин Головацкий. Так что сейчас она проживает одна. Антон Антонович был чрезвычайно увлечен ею...

– А имя?

– Анна Кильман. Проживает по Васюкова, 16. Только я прошу вас, господин Головацкий, если надумаете нанести ей визит, сохраняйте тактичность.

– Я всегда тактичен, барон, – заверил фон Дребена Головацкий. – Уверяю вас.

Для себя лично Матвей Евграфович принял решение, что нанесет визит госпоже Кильман сегодня же. Сразу после того как покинет дом барона. Столь деликатное дело, которое, скорее всего, не придется предавать огласке, профессор не мог и не имел морального права доверить кому-то из своих подручных.

– Я вам верю, господин Головацкий.

Глава 4

Мужской клуб

Дом № 16 по Васюкова оказался стареньким и неказистым двухэтажным строением. Головацкий остановился у двери и позвонил. Открыли ему не сразу. Не менее десяти минут, наверное, Матвею Евграфовичу пришлось переминаясь с ноги на ногу и заниматься лишь визуальным изучением здания. Он позвонил еще раз, потом еще раз... И лишь после четвертой попытки до профессора донеслись неспешные приближающиеся шаги.

Ему открыла женщина средних лет в сером ситцевом платье с высокой стойкой и повязанным на груди белоснежным фартуком. Головацкий галантно приподнял шляпу и представился.

– Могу ли я видеть госпожу Кильман?

– Проходите, – произнесла служанка настолько тихо, что Матвей Евграфович с трудом расслышал это коротенькое словечко.

Его провели в гостиную на первом этаже.

– Госпожа Кильман сейчас спустится.

И снова потянулись нескончаемые минуты ожидания. Профессор нетерпеливо расхаживал взад-вперед, что само по себе уже было нетипичным для человека его образа жизни. Головацкий не любил совершать лишних и ненужных движений.

Гостиная Анны Кильман была такой же скромной, как и сам ее дом. Минимум мебелировки, неприглядные занавесочки на окнах, безворсовые ковры. Матвей Евграфович еще до появления хозяйки имел возможность охарактеризовать ее как человека крайне нуждающегося...

Наконец она появилась.

– Господин Головацкий?

Анна Кильман остановилась на пороге и, безвольно опустив руки вдоль тела, грустно взирала на визитера. Глаза ее были красными и воспаленными от слез. Длинные светлые волосы уложены небрежно. На щеках с едва заметными ямочками ни единого следа румянца. На госпоже Кильман было черное пышное платье.

– Добрый день, – Матвей Евграфович поклонился. – Я вынужден извиниться, госпожа Кильман, за свое вторжение. Вам, наверное, сейчас не слишком удобно принимать кого-либо, но обстоятельства обязывают меня...

– Что это за обстоятельства?

Она села, при этом забыв предложить место гостю. Головацкий вынужденно остался стоять, заложив руки за спину и взирая теперь на женщину сверху вниз.

– Я занимаюсь расследованием гибели Антона Антоновича Сербчука.

Кильман вздрогнула, ее лицо сморщилось, и Матвей Евграфович подумал, что женщина сейчас неминуемо расплачется. Однако этого не произошло. Она лишь опустила глаза и судорожно переплела пальцы рук.

Головацкий поспешил продолжить:

– Мне известно о тех отношениях, что связывали вас с покойным, но уверяю вас, госпожа Кильман, что все это останется строжайше между нами. Вам не придется ничего афишировать, не придется давать никаких официальных показаний, но я был бы вам крайне признателен, если бы вы ответили на несколько моих вопросов.

Она снова подняла на него взгляд:

– Что же тут расследовать, господин Головацкий? Антон... Антонович погиб по неосторожности. Разумеется, это могло случиться с каждым, но... Я чувствую в этом и свою вину.

– В чем же?

Госпожа Кильман грустно и натянуто улыбнулась:

– Он шел ко мне. Определенно ко мне. И в такой час...

Головацкий насторожился.

– Прошу прощения, – вклинился он. – Вы хотите сказать, что не виделись с Антоном Антоновичем в ту... ночь?

– Нет, не виделась, – глаза женщины блеснули от наворачнувшихся слез. Нижняя губа дрогнула, но она снова сдержалась. – Но, говорю вам, он определенно шел ко мне. Однако... не дошел.

– Вы ждали его?

– Нет. Но Антон... Антонович любил, знаете ли, преподнести сюрприз. Он мог явиться в любое удобное для него время.

– И даже в четвертом часу утра? – гнул свою линию Головацкий.

– На что вы намекаете? – вскинулась Кильман.

Матвей Евграфович, по-прежнему глядя на нее сверху вниз, не мог не отметить, как она была хороша в этом своем легком приступе негодования. Такие женщины, как Анна Кильман, умудряются сохранять природную красоту и свежесть в любом возрасте. Порой случается и так, что с возрастом они становятся только краше...

– Я буду с вами откровенен, госпожа Кильман, – Головацкий все же рискнул без приглашения придвинуть к себе ближайший стул и грузно опустился на него. Теперь его лицо с одним неподвижным глазом оказалось напротив лица собеседницы. – У нас есть некоторые подозрения, что Антон Антонович угодил под лошадь не сам. Его могли толкнуть.

Ладошка женщины испуганно взметнулась вверх и прижалась к губам. Она подавила рвущееся наружу восклицание.

– Убили? – на выдохе произнесла Кильман. – Вы хотите сказать, что Антона убили?

– Я хочу сказать, что такая вероятность существует, госпожа Кильман. Но только вероятность, и не более. Мы разбираемся. А потому я и спрашиваю вас, как часто случалось такое, что Антон Антонович являлся к вам с визитом в четвертом часу утра? Заранее приношу извинения за бестактность, но...

– Я все поняла, – выражение лица Кильман разительно переменялось. Из убитой горем влюбленной женщины она в одну секунду превратилась в решительную особу. – Если Антона действительно кто-то убил и мои слова помогут вам отыскать убийцу, я готова отвечать на любые вопросы. Пусть даже самые бестактные. И знаете что, господин Головацкий? Вы правы. Я только сейчас подумала об этом. Прежде подобного не случалось. Антон мог прийти без приглашения в полночь или около того, но чтобы в четвертом часу – нет. Такого прежде не было ни разу. Это важно? Да? В этом что-то есть, господин Головацкий?

– Возможно, – уклончиво ответил Матвей Евграфович, думая о своем. – А скажите, госпожа Кильман, в последнее время вы не замечали ничего странного в поведении Антона Антоновича? Может быть, он излишне нервничал, опасался чего-то?

– Он переживал, – уверенно ответила женщина. – Это я могу сказать вам совершенно точно. Антон Антонович умел скрывать свои чувства от посторонних, но только не от меня. Я видела, как сильно он переживал.

– Из-за чего?

– Из-за гибели близких ему людей. Сначала это трагическое падение с лошади графа Щадилова, затем самоубийство Доронина. А после случившегося с генералом Корниевичем тремя днями ранее Антон и вовсе поник. Я видела, какой это был для него удар. Он стал рассеянным, и, возможно, поэтому с ним случилось то, что...

Кильман замолчала, заметив, как ее собеседник медленно поднялся со стула. Единственный глаз Матвея Евграфовича прищурился. Он нервно дернул себя за ус.

– Что с вами? – встревожилась женщина. – Вам плохо, господин Головацкий?

– Нет-нет, – поспешно заверил ее профессор. – Со мной все в порядке, госпожа Кильман. Просто ваши слова... Антон Антонович переживал из-за смерти генерала Корниевича? Я вас правильно понял?

– Совершенно верно.

– А разве... Разве они были так близко знакомы?

– Они были почти друзьями, – Кильман говорила об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Как о чем-то, что было известно каждому. – У них были какие-то общие дела, они состояли в одном клубе... Подробностей я не знаю, господин Головацкий. Мы были в добрых отношениях с Антоном... Антоновичем, но он со мной, знаете ли, не откровенничал. В том, что касалось его дел.

Головацкий снова опустился на стул. Даже не опустился, а плюхнулся. В деле появилась весьма интересная ниточка. Интересная, но по-прежнему загадочная.

– Они состояли в одном клубе, – эхом повторил Матвей Евграфович слова Кильман. – Корниевич и Сербчук. А что это был за клуб?

– Не знаю, – женщина пожала плечами. – Но полагаю, обычный мужской клуб. Карты, вино, сигары, разговоры о политике... Ну, вы ж знаете, как это бывает, господин Головацкий?

Да, Матвей Евграфович знал, как это бывает. Но он с огромным трудом мог представить себе генерала Корниевича, рассуждающего о политике за картами и вином. Кого угодно, но только не Корниевича. Тут было что-то другое. Совсем не то, о чем говорила Анна Кильман.

– Вы не знаете, где находился этот клуб? Как он назывался?

– Увы, – Кильман снова натянуто улыбнулась. – Мы не говорили об этом с Антоном Антоновичем... Хотя постойте-ка! Помнится, я что-то такое слышала. Они иногда собирались у Антона Антоновича дома. Но только иногда. А так...

– А вы знаете кого-то еще, кто состоял в этом клубе? – Головацкий подался вперед, напряженно всматриваясь в карие глаза актрисы.

Она задумалась. Пауза затянулась, и у Матвея Евграфовича созрел следующий вопрос раньше, чем женщина ответила на предыдущий.

– Люди, которых вы назвали ранее, госпожа Кильман... Они тоже состояли в этом клубе? Те, из-за гибели которых переживал Сербчук?

– Щадилов и Доронин?

– Именно.

– Да, они были членами того же клуба.

– И один из них упал с лошади, а другой сам свел счеты с жизнью?

Кильман печально кивнула.

В голове у Матвея Евграфовича многое начало проясняться. Разрозненные части мозаики постепенно вставали на свои места, образуя общую картинку. Пока еще неполную, но кое-что уже прояснилось. Клуб, в котором состояли покойные генерал Корниевич и чиновник Сербчук, не был обычным мужским клубом, каким он представлялся Анне Кильман. Скорее, это было похоже даже не на клуб, а на кружок. Антиправительственный кружок. Может быть, даже социал-демократический, каких в последнее время немало развелось по всей территории России. Потому и конкретного адреса у «клуба» не было. Члены кружка встречались на квартирах. Либо Сербчука, либо кого-то еще. Кружок все время перемещался.

Головацкому вспомнилось упоминание Орловым императорского портрета в кабинете покойного генерала. Он показался Тимофею необычным. Оно и неудивительно. Если Корниевич относился к числу заговорщиков, он и не мог повесить у себя в доме иного портрета. Отсюда и несговорчивость адъютантов Корниевича. Становилось понятным, почему все они не желали распространяться о делах погибшего генерала. Кокаин – это тоже пятно на репутации, но антиправительственный заговор!..

Матвей Евграфович был уверен в том, что напал на нужный след. Социал-демократы! Корниевич, Сербчук и все остальные в их клубе. Однако это пока не объясняло главного вопроса. Зачем и кому могла понадобиться смерть членов антиправительственного кружка? И была ли все-таки их смерть насильственной? Смерть генерала Корниевича – наверняка. А вот остальные? Здесь у Матвея Евграфовича имелись только догадки и предположения. Но смерть сразу четырех членов кружка – совпадение ли? Маловероятно. Плюс гибель капитана Симакова на дуэли.

– Так как насчет других, госпожа Кильман? – вернулся профессор к вопросу, оставшемуся без ответа. – Никого не вспомнили?

– К сожалению, так сразу не припоминаю, – виновато призналась актриса. – Антон Антонович упоминал имена и фамилии, но я, честно говоря, не вникала. Если бы я знала, что это окажется важным...

Кильман в отчаянии заломила руки. Слезы вновь навернулись ей на глаза. Головацкий видел, каких трудов женщине стоит держаться и не расплакаться перед ним.

– Не волнуйтесь, госпожа Кильман, – профессор ободряюще улыбнулся. – Право, не стоит. Не помните сейчас, может быть, вспомните позже. Если это произойдет, просто дайте мне знать. Хорошо?

– Хорошо.

Головацкий поднялся:

– В таком случае не буду и далее утомлять вас своим присутствием. Огромное спасибо, госпожа Кильман. Вы очень мне помогли.

Она тоже встала:

– Прошу вас, господин Головацкий, держите меня в курсе. Если Антон действительно был убит, я желаю знать об этом.

– Непременно, – заверил ее Матвей Евграфович.

Покинув дом № 16 по Васюкова, Головацкий немедленно поехал к себе. По дороге он, правда, завернул в гостиницу «Континент» и оставил портье записку для постояльца из двести второго номера. Самого постояльца в «Континенте» не было, но, по словам того же портье, господин обещал вернуться в течение ближайших тридцати минут. Головацкий не стал ждать. Оставленной записки будет вполне достаточно...

Орлов ждал профессора в кабинете. Весь вид молодого человека – его взгляд, нервные рваные движения, небрежно расстегнутый ворот рубашки – все это свидетельствовало о том, что Тимофей находился в состоянии крайнего волнения.

– Удалось что-то обнаружить? – по-деловому осведомился Матвей Евграфович, удобно располагаясь в любимом кресле и неторопливо раскуривая сигару.

Профессору хотелось некоторое время побыть в одиночестве, чтобы обдумать полученную сегодня информацию, но и сведения Тимофея могли оказаться чрезвычайно ценными.

Огромный дог почти бесшумно скользнул в помещение и занял место рядом с правой ногой хозяина. Положил морду ему на щиколотку. Головацкий не шевельнулся.

– Мы нашли Кондора, Матвей Евграфович, – радостно выпалил Орлов.

– Вот как? Так быстро?

– Да.

– Ну, рассказывайте, рассказывайте, любезный. Не томите старика, ради бога.

Головацкий опустил руку и погладил пса.

– Кондор живет на Апраксином дворе. – Тимофей не стал садиться, а продолжал нервно мерить шагами профессорский кабинет. – Его настоящее имя Николай Коломенский. Действительно, из бывших. Из дворян. Все, что сказал Солодовников, верно. Это подтвердил и наш информатор. Я только что прибыл со встречи с ним. Однако есть и еще кое-что интересное,

Матвей Евграфович. Для того чтобы взять Кондора, то есть, прошу прощения, Коломенского, нам нет никакого смысла соваться в труппы рынка. Все можно сделать значительно проще. У Коломенского есть женщина. Возлюбленная, не имеющая ровным счетом ничего общего с хитрованскими барышнями. Это курсистка Елена Аничкова. Проживает по Большому Старообрядническому проезду. Егор уже отправился туда, чтобы детальнейшим образом выяснить все на месте. Информатор сообщил мне, что Коломенский познакомился с Аничковой чуть больше четырех месяцев назад. Часто у нее ночует, и таким образом мы можем...

– Превосходно, Тимофей, превосходно, – Головацкий пыхнул сигарой. В дальнейших пояснениях он не нуждался. – Отправляйтесь на Большой Старообряднический, только умоляю вас, сделайте все без лишнего шума. Особенно не стоит компрометировать девушку. Возьмите Коломенского либо по его приходу к ней, либо когда он от нее выйдет. И привозите его сюда, ко мне.

– Прямо сюда, Матвей Евграфович? – удивился Орлов. – Может, нам лучше самим потолковать с ним и все выяснить?

– Нет, – профессор покачал головой. – Я желаю поговорить с ним сам, Тимофей. Нет никакого смысла опасаться уголовника из бывших дворян. Я сумею найти с ним общий язык. Да-с... Тем более что он интересуется нас исключительно как свидетель. Вам ясно? Поэтому не переусердствуйте, милейший, не переусердствуйте.

– Не извольте беспокоиться, Матвей Евграфович, – Орлов улыбнулся. – Сделаем все в лучшем виде. Но и особо миндальничать с ним не будем. Тут уж, как говорится, не обессудьте.

– Ну, хорошо, ступайте.

Головацкий снова провел рукой по гладкой шерсти лежащего на полу дога. Движение было скорее машинальным, нежели осознанным. Поглаживание любимого питомца всегда настраивало Матвея Евграфовича на позитивный лад и помогало сосредоточиться. Дог редко оставлял хозяина одного, словно догадывался о том, каким образом его присутствие помогает профессору.

Уши пса слегка дернулись – он среагировал на движение Орлова, направившегося к выходу из кабинета. Головацкий вновь дважды пыхнул сигарой и устало смежил веки.

Итак... Речь, несомненно, идет о заговорщиках. Но убийства... Раскол внутри организации? Личные мотивы? И что же это за убийца такой, который так ловко работает либо под самоубийства, либо под несчастные случаи? Как он подбирается к своим жертвам? Кто он? В деле оставалось очень много неясностей, и Матвей Евграфович не горел желанием встречаться раньше времени ни с начальником Третьего отделения департамента полиции, ни со статским советником Лужанским. Он не станет высказывать никаких догадок до тех пор, пока в деле не останется темных пятен. Пока все не прояснится до конца...

В очередной раз обратившись к своей картотеке, Головацкий не обнаружил в ней никаких сведений ни относительно Щадилова, ни относительно Доронина. Персона графа была известна. Матвей Евграфович даже припомнил, как читал о трагической смерти Щадилова в газете двумя неделями ранее. Падение с лошади. Да, кажется, именно так и говорилось. И никаких подозрений со стороны полиции. В этот раз убийца, если таковой имелся, сработал абсолютно чисто. Как и в случае самоубийства Доронина. К слову сказать, фамилия последнего Головацкому и вовсе была незнакома.

Из того же верхнего ящика стола профессор достал снимки покойного Корниевича. Еще раз внимательно взглядел отметины на шее генерала. Сомнений никаких. Задушен. Попытка сопротивления. Все налицо...

За изучением снимков Головацкого и застала появившаяся на пороге его кабинета Глафира Карловна.

– К вам посетитель, Матвей Евграфович. Признаться, какого-то странного вида. И он не представился.

Головацкий знал, кто это.

– Просите, – распорядился он.

Профессор неторопливо сложил все обратно в ящик, запер его на ключ и откинулся в кресле...

Вошедший в кабинет профессора человек неспроста смутил Глафиру Карловну. Воротник его пальто был высоко поднят, огромный клетчатый шарф закрывал нижнюю часть лица, а из-за низко надвинутой на глаза шляпы разглядеть его не представлялось возможным. Однако, оказавшись наедине с Головацким, мужчина соизволил снять шарф и шляпу. Пальто осталось на нем. Он без приглашения занял место напротив Матвея Евграфовича и хмуро взглянул на него из-под широких косматых бровей. Визитеру было чуть больше сорока, он имел широкое скуластое лицо, острый нос и пронизательные карие глаза. Под левым глазом красовалось розовое родимое пятно размером с двугривенную монету. Дог приподнял голову и недовольно заворчал. Головацкий успокоил его, потрепав по загривку. Морда пса снова опустилась ему на шиколотку.

– Я получил вашу записку, профессор, – голос у мужчины был слегка хрипловатым, но хорошо поставленным, как у оперного певца. – Зачем вы хотели меня видеть?

Головацкий перекатил сигару из одного уголка рта в другой.

– Помнится, вы обещали мне отплатить услугой за услугу, милейший, – тон Матвея Евграфовича при обращении к этому человеку был совсем иным, нежели когда он говорил с бароном Дребеном или госпожой Кильман. В нем не было ни малейшего намека на светскость. – Я не очень люблю напоминать людям об их долгах, в особенности когда это касается меня лично, но сейчас именно такой момент. Я нуждаюсь в вашем содействии.

Мужчина только кивнул. Это уже само по себе означало согласие со словами профессора, а потому Матвей Евграфович немедленно продолжил:

– Мне доподлинно известно, милейший, что вы имеете самое прямое отношение к так называемой социал-демократической партии. Не меньше, чем мне, об этом известно и вам, полагаю, – Головацкий снисходительно улыбнулся, давая понять, что ему не чуждо некоторое чувство юмора. – Вы знаете, что к политике я равнодушен, но нередко расследуемые мною дела прямо или косвенно пересекаются с политикой. Вот как сейчас, например. Вы можете мне, и ваш долг будет полностью погашен. Как вы смотрите на подобное предложение?

– Я вынужден подчиниться, – без вызова, но при этом с чувством собственного достоинства ответил посетитель. Он повесил шляпу на спинку стула и снова обернулся к Головацкому: – Что вы хотите, профессор?

– Меня интересует один кружок, – без обиняков начал Матвей Евграфович.

– Социал-демократический?

– Возможно. Во всяком случае, я полагаю, что он таковым является. В этот кружок входил сам генерал Корниевич. Ныне покойный, к сожалению. Мне также известны фамилии еще трех членов этого кружка...

– Тоже покойных? – усмехнулся гость.

– Как вы догадались?

– Я всего лишь предположил, профессор. Не один вы, скажу я вам, владеете методикой дедукции. Если бы вам был известен хоть один из живых членов этого кружка, вы вряд ли бы стали обращаться ко мне за содействием.

– Недурно, – протянул Матвей Евграфович. – У вас определенно талант, милейший. Да-с... Так что вы можете сказать по данному вопросу?

– Я слышал о генерале Корниевиче, – спокойно проговорил мужчина с родимым пятном. – Равно как и о его кончине. Но к социал-демократической партии он не принадлежал.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен. Мне незачем вас обманывать. Тем более сейчас, когда генерала уже нет в живых. Однако, заметьте, я не сказал, что генерал Корниевич не мог иметь сношений с нашей партией.

– Так он имел такие сношения? – живо спросил Головацкий.

Зажатая в зубах профессора сигара успела потухнуть. Матвей Евграфович взял со стола спички и раскурил ее вновь. Из его рта вырвалось густое облако дыма и медленно потянулось к потолку. Мужчина внимательно проследил за этим полетом.

– Мне об этом ничего не известно, – сказал он после небольшой паузы.

– Но узнать это вы можете?

– Я постараюсь. Не люблю оставаться перед кем-либо в долгу, профессор. Особенно не хотелось бы числиться в списке ваших должников. Вы можете назвать мне фамилии остальных трех покойных членов кружка?

– Извольте. Сербчук, граф Щадилов, Доронин. Запишете?

Головацкий двинул в направлении гостя чернильницу, но тот отрицательно покачал головой:

– Запомню. У меня хорошая память, профессор. Когда вам нужна информация об этом кружке?

– Чем раньше, тем лучше.

– Я сделаю все возможное, чтобы она была у вас завтра. Раньше никак не выйдет.

Мужчина с родимым пятном поднялся и вновь поднял воротник пальто. Намотал вокруг шеи клетчатый шарф. Он, видимо, полагал, что аудиенция на этом закончена. Но Головацкий, как оказалось, придерживался иного мнения.

– Боюсь, что информация – это не услуга, милейший, – лукаво улыбнулся профессор. – Вы сами-то так не считаете?

Мужчина замер. Он уже держал в руках шляпу, но надеть ее не успел. Матвей Евграфович имел возможность видеть теперь только половину лица визитера.

– А что же вы хотите, профессор? Услугу какого рода?

– Мне нужен кто-то, кто состоит в этом кружке. Живой. Я хочу, чтобы вы помогли мне сойтись с этим человеком. Как, по-вашему, могу я сойти за социал-демократа?

Визитер окинул профессора долгим изучающим взглядом.

– С большой натяжкой, – признался он.

– Отчего же?

Мужчина только пожал плечами. Подходящего ответа на этот вопрос у него не нашлось. Однако Матвей Евграфович ничуть не смутился.

– Значит, вам придется убедить кого-то из членов этого кружка, что я таковым являюсь. Мне нужно попасть внутрь. Понимаете?

– Это будет не просто.

– Ну, вы уж будьте любезны, расстарайтесь, милейший, расстарайтесь. Да-с... Долг, он ведь, как известно, платежом красен.

– Ну, разумеется.

Даже широкий клетчатый шарф не смог скрыть того, как мужчина неприязненно поморщился. Понятное дело, что для него было бы лучше, если бы никакого долга перед Головацким и вовсе не было. Но таковой был, и его следовало отдавать. Выбора у мужчины не оставалось.

– Я непременно дам вам знать, как только что-то получится, профессор.

– Завтра, – напомнил Матвей Евграфович.

– Да. Завтра.

Гость надел шляпу, и его лицо скрылось полностью, как и в момент появления в этом кабинете. Головацкий не поднялся из кресла, чтобы проводить визитера до двери. Тот нашел дорогу сам. Вышел и мягко прикрыл за собой дверь. Матвей Евграфович загасил сигару и

положил ее в пепельницу. Вновь смежил веки. События текущего дня в свете двух вынужденных визитов отозвались в грузном теле Головацкого приступом невероятной усталости. Однако профессор знал, что расслабляться сегодня еще было рановато. Он снова достал из ящика заветную папочку, взял в руки перо, обмакнул его и, выбрав чистый лист, принялся быстро что-то писать ровным убористым почерком.

Глава 5

Торговец кокаином

Орлов на ходу спрыгнул с пролетки, уже пешком прошелся до конца квартала и остановился на углу Большого Старообряднического проезда и улицы Ломоносова. Едва Тимофей оказался в конусообразном свете фонаря, как от ближайшего дома отделилась крупная тень и двинулась в его направлении. Орлов насторожился, и рука его машинально потянулась к правому карману пальто. Пальцы коснулись холодной рифленой рукоятки, и в этот самый момент он узнал направлявшегося к нему человека. Орлов перевел дух.

– Ну, что тут у тебя? – спросил он Михайлова, когда тот приблизился вплотную.

– Он уже здесь.

– Кондор?

– А то кто же!

– Ты уверен? Ты не мог ошибиться, Егор?

– По описанию сходится, – Михайлов пожал плечами. – В точности так, как ты мне о нем и говорил. Высокий, светловолосый, в бежевом кашемировом пальто. На среднем пальце левой руки серебряный перстень в виде черепа.

– Ты и перстень успел разглядеть?

– Я смог подойти к ним очень близко, – не без гордости заявил Михайлов.

– К ним?

– Он приехал вместе с девушкой. По описанию тоже подходит. Шатенка, лет двадцати пяти, миниатюрная, с раскосыми на восточный манер глазами. На ней был светлый плащ и такие же светлые полусапожки.

– Вроде они, – в голосе Орлова по-прежнему сквозила некоторая неуверенность, но уже в следующую секунду он сумел взять себя в руки. – Да, точно они! В какой дом они вошли?

– Третий слева, – Михайлов коротко взмахнул рукой, указывая направление. – Там до сих пор, как видишь, стоит их пролетка. Кондор попросил возницу обождать. Я сам слышал. Следовательно, он не планирует задерживаться у госпожи Аничковой и скоро пожалует обратно. Это нам на руку. Будем брать?

– Будем. – Орлов снова опустил руку в карман и коснулся пальцами припрятанного оружия. – Матвей Евграфович распорядился доставить задержанного к нему. И не применять грубой физической силы без крайней на то необходимости.

– Ну, я думаю, такая необходимость возникнет, – высказал свое мнение Михайлов. Он уже тоже держал руку в кармане, готовый в любой момент выхватить оружие. – Я успел разглядеть и лицо этого фрукта. Судя по всему, малый не робкого десятка. Свиреп, одним словом.

Орлов настороженно покосился на напарника.

– Как же близко ты к нему находился, если узрел такие детали?

– Довольно близко, Тимофей.

– Уверен, что он ничего не заподозрил?

– Абсолютно, – веско заявил Михайлов. – Кондор был слишком увлечен своей барышней и не замечал ничего вокруг. Свиреп и излишне самоуверен, как видишь.

Он улыбнулся. Едва заметная улыбка тронула и тонкие губы Орлова. Тимофей явно нервничал. Одно дело собирать для профессора недостающие улики, и совсем другое – выходить против такого субъекта с наганом в руках. Это принципиально разные вещи. И пусть здесь, на Большом Старообрядническом, не трущобы Хитрова рынка, где за каждым углом незваного гостя может подстергать реальная опасность, но все же... У Кондора наверняка тоже имеется оружие, и сдаваться просто так в планы торговца кокаином не входит.

– Вот и он! – Михайлов дернул соратника за рукав.

Орлов повернул голову. С крыльца спускался высокий мужчина в распахнутом кашемировом пальто. Голова его была непокрыта, и ветер трепал светлые волосы. Мужчина держал руки в карманах, по сторонам не смотрел, а целенаправленно двинулся к ожидавшей его пролетке.

Михайлов первым стремительно сорвался с места. Гигантскими скачками он за считанные секунды преодолел расстояние, отделявшее его от Кондора.

– А ну, стой!

Мужчина резко обернулся. Его реакция на приближение незнакомца была мгновенной. Он выдернул правую руку из кармана, и Егор заметил блеснувшее в лунном свете дуло нагана. Оружие выстрелило, ослепив Михайлова яркой вспышкой, однако молодой человек своевременно успел отпрыгнуть в сторону. Удержать равновесие не получилось, и Михайлов завалился на бок. Он тоже выхватил наган и пальнул из положения лежа. Промахнулся. Кондор перевел оружие в его сторону. Очередной выстрел мог бы оказаться для Михайлова последним, если бы Орлов своевременно не вмешался в ситуацию. Он жажнул из своего нагана прямо через пальто, тоже угодил в «молоко», но на долю секунды сумел переключить внимание Кондора с Михайлова на свою персону. Торговец кокаином лихо крутнулся на каблуках. Михайлов перекатился через голову и оказался справа от него. Кондор выстрелил, метя в Орлова. Страх буквально парализовал Тимофея, когда пуля просвистела в дюйме от его виска. Он лишь втянул голову в плечи и понял, что более не способен даже пошевелиться...

Лошадь громко заржала, шарахнулась, и сидящий на козлах возница даже не попытался удержать ее. Напротив, он в испуге вскинул кнут и что было мочи хлестко опустил его на круп лошадки. Гнедая стремительно сорвалась с места, и случилось это в тот самый момент, когда Кондор уже готов был вскочить на подножку. Но он не успел. Вскинул вверх обе руки, пошатнулся и с проклятиями упал на мостовую. Орлов вскочил и кинулся Кондору на спину. Стрелять с такого близкого расстояния было уже неразумным. Егор побоялся убить противника, ведь он нужен был им целым и невредимым. Рукоятка нагана Михайлова впечаталась Кондору промеж лопаток. Торговец кокаином крикнул от боли, завел свободную от оружия руку за спину и ухватил Егора за волосы. Потянул. Орлов тем временем очнулся и бегом устремился к месту схватки.

Превозмогая боль, Михайлов ударил противника еще раз, а затем впечатал его лицом в булыжную мостовую. Клок соломенных волос остался у Кондора в пальцах.

– Лежать! – гаркнул Михайлов и приставил дуло нагана к мощной бугристой шее своей жертвы. – Убью, паскуда! Лежать смирно, я сказал.

Но прикосновение холодного металла не оказало на Кондора никакого действия. Он умудрился лихо извернуться, скинул с себя Михайлова, откатился в сторону и поднял руку с оружием на уровень лица. Егор тоже целился в неприятеля. Еще секунда, и один из них непременно спустил бы курок. А дальше... Тут уж кому больше повезет. Откровенно говоря, Михайлов не питал иллюзий относительно собственного умения пользоваться огнестрельным оружием. Именно такая мысль и пронеслась у него в сознании, когда он лежал на мостовой и смотрел в черный направленный на него зрачок нагана.

Но Орлов подоспел как нельзя вовремя. Ударом ноги он выбил оружие из руки Кондора. Наган отлетел в сторону и заскользил по булыжной кладке к центру проезжей части. Второй удар Орлова угодил Кондору в плечо. Михайлов опустил оружие...

Бывший дворянин, юнкер, а ныне один из обитателей Апраксина двора еще некоторое время пытался оказывать сопротивление, но вдвоем помощники профессора Головацкого сумели скрутить безоружного противника. Орлов завел пленнику руки за спину и стянул их веревкой. Михайлов для гарантии врезал Кондору еще раз рукояткой нагана в челюсть. Из разбитой нижней губы задержанного на ворот кашемирового пальто закапала кровь. Он наконец оставил попытки сопротивления.

– Возьми пролетку, Тимофей, – распорядился Михайлов. – И едем к профессору.
Кондор настороженно прищурился.

– Вы – не легавые? – он все еще тяжело дышал после минувшей схватки.

– Нет. Но вскорости ты сможешь увидеться и с ними. Я тебе обещаю. Топай вперед.

Егор толкнул пленника в спину, и тот едва сумел удержать равновесие. Орлов подобрал оброненный Кондором наган. Прежней агрессивности в поведении и словах задержанного уже не наблюдалось. Он словно смирился со своей дальнейшей участью...

Тимофей остановил первую попавшуюся пролетку, вдвоем с напарником они усадили в нее Кондора, расположились сами по бокам и дали вознице адрес Головацкого. Держа оружие в кармане, Михайлов все равно развернул его дулом в сторону пленника и тем самым подстраховывался от возможных кульбитов последнего. Но Кондор не двигался. Сидел спокойно, лишь мрачно насупившись и глядя в одну точку прямо перед собой.

Доехали минут за десять.

– Слезай!

Кондор вновь беспрекословно подчинился. Михайлов с Орловым ввели его в дом и, все так же не снимая веревки, сопроводили на второй этаж в кабинет профессора.

Головацкий встретил их, сидя в любимом кресле. Только не рядом с рабочим столом, а возле окна с раздвинутыми шторами. Бледный лунный свет падал на лицо Матвея Евграфовича с правой стороны, и подобная подсветка делала скулы профессора еще более тяжелыми, а нос более заостренным.

– Славно, господа, славно. Я ни в коей мере не сомневался, что вы сумете справиться с поставленной задачей. Да-с... А теперь можете развязать его.

– Но, Матвей Евграфович...

– Развяжите его, Тимофей.

Орлов не стал спорить. Веревки слетели с запястий Кондора и упали к его ногам. Михайлов достал наган, но ничего неожиданного не последовало. Бывший юнкер не кинулся к двери в попытке бегства, не рванул в направлении сидящего Головацкого. Он будто бы и не заметил того обстоятельства, что обрел некоторую свободу действий. Он продолжал с интересом взирать на Матвея Евграфовича.

– Кто вы такой?

Головацкий слегка повернул голову.

– Мне кажется, это вопрос не по существу, молодой человек, – снисходительно произнес он, и губы профессора тронула едва заметная улыбка. – Я полагаю, у нас с вами есть более интересные и куда более важные темы для разговора. Сделайте одолжение – присаживайтесь.

Рука профессора указала Кондору на один из свободных стульев вдоль правой стены кабинета. Задержанный чуть дернул плечами, прошел и опустился на предложенное место. Снимать пальто он не стал. Ни Михайлов, ни Орлов не взяли на себя смелость присоединиться к бывшему юнкеру. Они оба остались стоять в дверях, и Егор по-прежнему держал наготове заряженное оружие. Головацкий предпочел не заметить последнего обстоятельства.

– Очень хорошо, любезный, – профессор крутил меж пальцев нераскуренную сигару. – А теперь давайте-ка сразу обратимся к сути дела. У меня нет намерений долго рассусоливать с вами и тратить свое драгоценное время. Кстати, хочу сразу предупредить вас: от вашей искренности будет зависеть очень многое. И в первую очередь для вас, господин Коломенский. Я правильно к вам обращаюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.